ПИОНЕР

1929

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ

ОТВЕЧАЕМ НА ВСЕ ВОПРОСЫ

ПРИЕМ ЕЖЕДНЕВНО

ВОПРОС

1. Имеет ли право пионер ругаться с вожатым? Деткор Н. СУДЬИН

Стекло-завод «Красное эхо»

ОТВЕТ

1. Пионер вообще не должен ругаться, а тем более со своим старшим товарищем. Если вожатый поступает нехорошо, то надо не ругаться, а поставить о нем вопрос на совете отряда. Если это не поможет, то вопрос надо передать в комсомольскую ячейку.

ВОПРОС

2. Можно ли допускать ребят к торжественному обещанию, если они пробыли в пионерской организации всего один месяц? Г. МЕЙЛИЦЕВ

Ленинград

ОТВЕТ

2. Допускать к торжественному обещанию после месячного пребывания в отряде не стоит. Торжественное обещание очень серьезное дело — лучше в течение нескольких месяцев (3—4) хорошенько испытать вступающего в отряд и только тогда, если он окажется хорошим пионером, допускать.

ВОПРОС

3. Сколько лет жил Карл Маркс?

Н. ТОПИЛЬСКИЙ

с. Волчек

ОТВЕТ

3. Карл Маркс родился 5 мая 1818 года и умер 14 марта 1883 года.

ВОПРОС

U.S.A.

4. Я слышал, что когда будет война, то СССР будет в союзе с Америкой. Правда ли это?

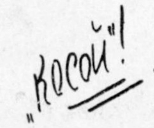
Н. МАТЮНИН

г. Лебедянь.

ОТВЕТ

4. СССР против всяких войн, поэтому ни с кем не заключает военных договоров. В случае нападения капиталистических стран СССР будет защищаться. Америка (САСШ), как капиталистическая страна не будет защищать советскую власть, а наоборот — скорее будет помогать прямым или косвенным путем капиталистическим государствам. Поэтому придется защищаться и от Америки, а не быть в союзе с ней.

ВОПРОС

5. Хорошо ли делают ребята, давая друг другу клички: „косой“, „чинарик“, „натурщица“ и т. д.

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Москва

ОТВЕТ

5. К сожалению кличкой у нас ребята пользуются для того, чтобы задеть, обидеть своих товарищей. Поэтому лучше не давать кличек своим товарищам.

ВОПРОС

6. Имеет ли право вожатый выкидывать пионеров из отряда за то, что они играли в карты (в „дурачка“)?

И. МАЛИЦКИЙ

г. Новофастов

ОТВЕТ

6. Исключать пионеров без решения совета отряда вожатый не имеет права. Но и пионеры не должны играть в карты, так как это бесполезное занятие. Надо выбирать другие игры (шахматы, шашки и т. д.).

ВОПРОС

7. Может ли пионер ходить обедать в пивную, хотя он там пива не пьет?

В. СОЛОВЬЕВ

Казань

ОТВЕТ

7. Пионер может пообедать и в пивной, но лучше избегать этого, так как в пивной обычно грязно и накурено. Лучше будет, если пионер пойдет в ближайшую столовую.

ВОПРОС

8. Почему советская власть, не признающая религии и религиозных праздников, отмечает за дни отдыха 25—26 декабря?

Х. ГРИНБЕРГ

Умань

ОТВЕТ

8. В Советском союзе существует свобода верований, поэтому советская власть, хотя и ведет антирелигиозную пропаганду, но не запрещает верующим гражданам праздновать религиозные праздники. А так как значительная часть населения, в особенности крестьяне, еще празднует так называемое „рождество“, то советская власть считает 25—26 декабря днями отдыха.

НА ОБЛОЖКЕ: рисунок художника А. Дейнека. НА ЗАВОДЕ.

Редколлегия: Н. БУЛАТОВ, И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, И. РАЗИН, М. ЭПШТЕЙН. Отв. редактор И. РАЗИН.

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

МАРТ
№ 5

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ НОМЕРОВ

Дема и Верочка Шапкины живут в детдоме с матерью-учительницей. Детдом переводят в другое место. Мать Демы увольняют, она должна покинуть детдом и взять с собой детей. Ей некуда итти, она оставляет детей, а сама скрывается, надеясь, что детей, лишившихся матери, не выгонят из детдома. Детей отправляют в коллектор. Один из воспитанников коллектора—Бунтарь—убеждает Дему отдать ему голубей, которых в коллекторе держать не разрешается. Бунтарь обещал их отдать в деревню, но обманул Дему и оставил их себе. Когда Дема узнал об этом, он потребовал голубей обратно. Обо всем этом узнала руководительница и потребовала, чтобы всех голубей выпустили. Голуби не хотят улетать. Дети устраивают голубиную станцию.

(Продолжение)

„БЕЛАЯ КОСТЬ"

Дема отправился к Верочке; он за три дня пребывания в коллективе видел ее только однажды. Девочек держали в большом отдалении от мальчиков, у них были не только отдельные спальни, но и комнаты для занятий, столовая, двор. Только иногда на экскурсиях об'единяли и мальчиков и девочек, на общих собраниях и при массовых играх. Мальчики были недовольны таким раз'единением и иначе не называли девочек, как насмешливым и презрительным именем „Белая кость". Девочки например требовали, чтобы их „не мешали" с мальчиками. На одном из общих собраний они почти все заявили:

— Не хотим, чтобы нас мешали с мальчиками. Они хулиганят, у них все грязно.

Мальчишки об'явили бойкот „Белой кости" и ушли с собрания.

Людмила Михайловна была очень недовольна таким положением. Она доказывала своим сотрудникам, что вражда между „белой" и „черной костью" срывает работу, может разрушить все учреждение, сделать его ненужным и вредным.

Людмилу Михайловну поддерживал комсомолец-библиотекарь, но против них была большая группа,

Вы меня измучили этим.

которой коноводила „Ваше высочество“. Постоянно она работала у девочек и всячески ограждала их от вторжения мальчиков. Заведующий коллектором, человек нерешительный, был склонен поддерживать Людмилу Михайловну, а поддерживал „Ваше высочество“.

Когда Людмила Михайловна и библиотекарь требовали, чтобы он изменил „политику“, от методов старой школы круто повернул к методам новой, — он махал руками и говорил:

— Вы меня измучили этим. Поймите, что это только до октября, какой-нибудь месяц, а там вернутся сотрудники из отпусков, — и все изменится. Пока я ничего не могу изменить, когда большая часть коллектива не хочет.

— Уволить, кто не понимает и не признает советского воспитания, — проговорил библиотекарь.

Заведующий поморгал удивленно, протер глаза и спросил:

— А кто будет работать? Вы один, вы ручаетесь за порядок, за воспитание?

— Да, предпочитаю работать вдвоем с Людмилой Михайловной, чем разрушать учреждение. Надо бы устраивать общие экскурсии, игры, гимнастику, ужение рыбы. За лето мы добились бы полной и хорошей дружбы между девочками и мальчиками, а мы их разделили забором, разделили на „черную“ и „белую“ кость.

— Только месяц, — успокаивал заведующий.

— Но мы вам не простим, если за этот месяц коллектор разрушится.

Дема вошел в отделение девочек. Его увидела техническая и крикнула:

— Уходи, уходи, зачем пришел!

Дема не уходил.

— Тебе говорят—убирайся!—техническая схватила парня за руку и потащила из отделения.

Дема покраснел от обиды и отпихнул техническую.

— Драться!—завопила она.—Хулиган, я тебя метлой выпровожу.

— Попробуй,— прошипел Дема и сжал кулаки.

На шум сбежалась кучка девочек и пришла „Ваше высочество“.

— Что такое? — спросила она. — Ты зачем? — подошла к Деме ближе и повторила, кривя губы: — Ты зачем?

У нее было желтовато-черное лицо, иссеченное какими-то ломаными морщинками. В глазах, в словах, которые она произносила, прикусывая зубами кончик языка, в походке, во всей фигуре, сухой и затянутой, было явное отвращение ко всему и к детям. Казалось, что она постоянно думает одно: „Ох, как они мне надоели. Какие они... грязные, крикливые, неприличные“.

— Я к сестре,—ответил Дема.

— Приди потом, сейчас мы заняты.

Дема растерялся, ему вдруг захотелось что-нибудь обидное сказать руководительнице, но он сомневался, стоит ли говорить.

— Маргарита Викторовна, мы же ничего не делаем, — проговорила одна из девочек.

— Как? Мы будем делать. Я прошу не отвечать за меня, — руководительница повернулась к девочкам, чтобы найти сказавшую.

Но та не думала скрываться, она выступила вперед и продолжала говорить:

— Скоро обед, дежурные пошли накрывать, когда же мы будем заниматься?

— Я тебя лишу обеда.

— Спасибо, — девочка сказала это весело и поклонилась.

— Ина... — промычала руководительница, но не договорила и, сердито оттолкнув девочек, пошла в глубь коридора.

— Тебе кого? К кому ты пришел?—затараторили девочки.—К Верочке? Пойдем...

Дему схватили за рукава и потащили по полутемному сводчатому коридору.

— А как же она, не выгонит? — спросил он.

— Верка-то?

— Высочество ваше.

— Э, от злости не скоро очухается. Теперь она намотает на голову полотенце и до вечера просидит.

Все отделение девочек было разбито на маленькие каморки — бывшие монашеские кельи. Прошлое лето убрали несколько перегородок, из келий сделали комнаты для занятий и столовую, но спален сделать не успели, и девочки спали в кельях. В каждой две-три. Спальни днем не закрывались, воспитанницы большую часть времени проводили в них.

Дема начал осматривать каморку.

Верочка, увидев Дему, подпрыгнула, схватила за волосы, начала тискать и наговаривать:

— Что долго не приходил? Что не приходил?

— Верка, не дури,—заворчал Дема. Он вырвался от сестренки и начал растирать голову.

Девочки захохотали:

— Здорово натискали, саднить будет—помнить будешь, что сестренка есть.

— С таким милиционером, как „Ваше высочество“, много не находишь.

— Она и ваша, она и у вас дежурит.

— От нужды, а осенью говорят от нас ее—фить... на вашу шею.

Разговор о руководительнице прервала Верочка. Она отослала подружек за дверь, оставила только одну ту, которая помогла Деме увидеть сестренку, и сказала:

— А это моя мама.

— Мама?—переспросил брат и засмеялся,—какая большая мама. Так она и моя мама?

— Нет, твоя сестра.

— Как же так, Верка? Я тебе брат, она тебе мама, а мне сестра. Так не бывает.

— А у нас будет, мы так придумали и к тебе сами хотели итти.—Верочка села на кровать и завертела головой.

Дема глядел на свою новую сестру, как она стояла и улыбалась своим круглым немножко курносым лицом, руками поправляла поясок на желтеньком выцветшем, таком детдомовском, платье и играла пальцами босых ног. В это время Верочка не переставала болтать:

— Маму мою зовут Лизой. Она курносенькая, но не бойся—ее нос к тебе не прирастет. Когда мне весело, я ее тискаю за волосы, они у нее густые-густые... хорошая, добрая мамочка.

Дема оглядел „мамочку“ до босых ног, потом перевел взгляд на босые ноги Верочки и спросил:

— У вас все босиком?

— Да, мы все босикашки,— Верочка ногой ткнула Дему.—Вы только в копытах.

— У нас на лето отобрали обувь из-за экономии. Летом, говорят, босиком можно,—об'яснила Лиза.

— А мы носим.

— Мальчишки не дали. У них хотели снять, а они говорят: „Снимите, не будем двор подметать, дрова пилить“—им и оставили.

— Нравится тебе твоя сестренка?—спросила Верочка.

— Он, может, и откажется,—проговорила Лиза.

— Я про то и спрашиваю.

— Эта хорошая,—ответил Дема.

— А я?—Верочка сделала губами смешную трубочку.

— Болтунья стала.

— Я от мамочки научилась, она с первого раза тихоня, а на деле у... какая.

— Ну, чай, потише тебя.

Дема сказал, что согласен быть братом Лизы, и начал осматривать каморку. С низким сводчатым потолком, она напоминала опрокинутое корыто. Но это корыто было чисто, увешено рисунками цветным карандашом (работа Лизы), фотографиями с уездного городка. На подоконнике стояли полевые цветы, лежала большая сосновая шишка, в стеклянной банке плавала серебристая щеклея.

— Уголок природы,—Лиза показала на подоконник.—Был у меня еж, да отчего-то умер.

Лиза подала Деме руку.

Деме не удалось как следует расспросить Лизу про фотографии, про ежа, про уголок природы. Ударил колокол на обед, по каменному полу зашлепали босые ноги, и Верочка велела Деме уходить.

— Пусть сидит со мной,—сказала Лиза,—я не пойду обедать.

— Маргарита Викторовна забыла.

— Раз лишила, я не пойду,—уперлась Лиза.

Но руководительница не забыла: она пришла в келью Лизы и сказала:

— Иди обедать!—Заметив Дему, который слушал историю про ежа, проговорила без обычной неприязни:—И ты, мальчик, иди обедать. А потом, когда захочешь к сестре, проси разрешения. Лиза твоя сестра?

— Верочка.

У Маргариты Викторовны приподнялись брови.

Дема поспешно прибавил:

— И Лиза моя сестра.

Брови Маргариты Викторовны поднялись выше.

Дема понял, что ему лучше уйти, и юркнул в дверь.

— Я хочу знать, чей же он все-таки брат, твой или Верочкин?—отчеканила Маргарита Викторовна.

— И мой и Верочкин,—ответила Лиза. Ей захотелось позлить руководительницу.

— Но вы с ней не сестры.

— Не сестры, а ему сестры.

„Ваше высочество“ прошлась по комнате, стиснула руки и выкрикнула:

— Ты неприличная хулиганка,—она выговорила с особым удовольствием „хулиганка“. Это слово постоянно вертелось у нее на языке, но она приберегала его для особых случаев, когда хотела целиком высказать свое отвращение.—Ты не пойдешь обедать.

Во второй раз Деме не разрешили повидать Верочку. Техническая его силой вывела не только из отделения, а даже со двора. Тогда Дема решил пробраться тайком. Он перелез через забор и начал искать окно, где на подоконнике лежали сосно-

Лиза стала между Гудковым и Бунтарем.

вые шишки. Окно нашлось скоро. Лиза подала Деме руку, и он взобрался в келью. Все трое сидели рядышком и разговаривали шопотом.

Потом Дема попросил Лизу досказать про ежа.

— Ну, нашли мы его, лежит он и пыхтит, толчет „пуф, пуф". Взяла я палку и покатила его домой. Покачу-покачу, потом затихну и жду. Он начнет расправляться, покажет мордочку, а я „пуф-пуф" и свернется, нет мордочки. Часа три, не меньше, катила, на двух палочках принесла и положила в спальне под кровать. Вечером читаю и слышу—зашуршало. Он вышел на середину пола и глядит на меня. Потом—юрк, и спрятался, а потом привык, ходил при всех, а потом умер.

— Что же здесь интересного?—удивился Сема.

— А все интересно: как он „пуф" делал, как глядел на меня и сам был такой интересный, и ни разу я не видала, когда он и что ел—это тоже интересно.

— Он от голода и умер,—догадался Сема.

— А и верно, я и не подумала. Только он хлеб и суп не ел.

В этот раз Дема разглядел все фотографии, что были у Лизы.

— Мой отец делал игрушки,—начала об'яснять Лиза.—Сделает какую-нибудь новую игрушку, выдумает, а потом ее снимет аппаратом. Для чего, спрашиваю, папа?—„Игрушку, говорит, я продам, продать должен, а снимаю на память". От него одни карточки и остались, все продали, а карточки никто не купил.

— Демка, поедем в этот городок. Лиза поедет и мы вместе. Будем учиться и игрушки делать.—Верочка начала трясти брата и уговаривать:—поедем, там хорошо и кругом игрушки.

Деловитая, спокойная Лиза оберегала Верочку от насмешниц, какие были среди девочек, не давала ей задумываться и скучать. У Лизы были деятельные руки. Она постоянно была занята то уборкой, то на кухне, в саду, в огороде, вечерами рисовала, клеила из бумаги, Она не любила зачитываться книжками, как это любили многие, а жила руками. И дело ей особенно нравилось, когда оно делалось руками. Думы и мечты у Лизы были самые деловые, какие-то ручные. Она хотела из коллектора вернуться в родной город, где все занимались игрушками и где была игрушечная школа,—жить там, лепить из бумаги „матрешек", резать из дерева коней, раскрашивать пупсов. В своих думах Лиза никогда не забывала, а что будут делать ее руки.

Дема рассказал про Лизу Гудкову и порадовался:

— Верка такой же хочет быть, забросила свою „собачью жалость".

— Лизка—девка хорошая, трудящейся будет,—проворчал Гудков.

— Пойдем к ним, у них там здорово хорошо сидеть.

Гудков отказался:

— Не умею я у них.

— Уметь не надо. Они только из-за забора мальчишек травят, а у себя—ничего.

— „Белая кость", цветы, шишки, рыбки, ленточки.

— Это же уголки природы.

— Уголки, а все равно девчонки-неженки.

— Лизка не неженка,—вступился Дема.

— Одна всего, ну две-три, а у прочих и уголки для нежности.

Деме не удалось уговорить Гудкова, Бунтаря он и звать не стал (тот был неразлучен с голубями) и продолжал ходить один. Ему нравилось, что у девочек в жизни было такое, чего не было у мальчишек.

Девочки любили петь по вечерам и пели дружно. У мальчишек песни обращались в крик и вой. Девочки в кельях держали чистоту, не плевали на пол, да и вообще были непохожи на мальчишек, иначе ходили, говорили, даже по-другому ссорились, не дрались. Дема раньше не замечал, что мальчишки и девочки—совсем разный народ, а тут увидел это и ему стало занятно наблюдать за всеми. Однажды он сказал Лизе:

— Зачем мальчишек держат порознь от девчонок?

— Мальчишки озорничают много. Увидит девченку — язык покажет, за волосы дернет, не то платье чернилами оплеснет.

Дема подумал и сказал:

— Больше делать нечего.

— Как нечего?—удивилась Лиза.

— Да так. О чем с вами говорить, когда не знаешь про вас ничего.

— Пойдем к мальчишкам,—неожиданно предложила Лиза.

Дема, Верочка, Лиза и еще две воспитанницы вылезли через окно в сад и пошли к мальчишкам. Повстречавшийся Бунтарь крикнул:

— Демка невест ведет!

— Ты не ори,—оборвал его Дема,—лучше покажи голубей. девчонкам занятно.

Голуби вились над садом, а Бунтарь, не спуская с них глаз, радостно рассказывал, что голуби летают у него с записками, потом он научит их летать не над садом, а на многие километры, а потом, когда будет война с Англией, он поедет на фронт с отрядом голубей.

Девочки слушали рассказы Бунтаря как сказку. Явилась Маргарита Викторовна и угнала девочек; на следующий день она застала Дему с Верочкой и Лизой и устроила скандал на весь коллектор.

— Это безобразие, это ядовитые плоды слишком вольного воспитания,—кричала она и приказала девочкам не только не ходить к мальчишкам, а, завидев их, бежать, не переговариваться, не отвечать, вообще не замечать, потому что они... девочки, а не мальчики.

Девочкам показалось интересно, как это они не будут замечать мальчишек, и они перестали замечать.

Если мальчишки затевали разговор, девочки не отвечали.

— Мы с вами не разговариваем, не вяжитесь,— кричали они.

— А мы заставим,—и мальчишки начинали совать их под ребра, закидывать землей, обливать чернилами.

Поднималась яростная ссора.

Девочкам надоело ходить гордыми, они охотно бы вернулись к прежним, хотя и холодным, но не диким отношениям с мальчиками, но это стало невозможно. Накопилось столько обид и ненависти, что помириться не знали как. Мальчишки надумали кучу обидных прозвищ, привыкли называть ими девочек и не хотели забывать их.

Людмила Михайловна пришла к заведующему, с тяжелым вздохом села на стул и сказала:

— Я ухожу. Я дальше не могу терпеть...

— Что с вами, что такое?—заведующий подпрыгнул,—что случилось?

— Ничего, со мной ничего, а вы разучились видеть.—Заведующий хотел что-то сказать, но Людмила Михайловна не дала ему.

— Вы заняты канцелярией, хозяйством, а детей забыли. Лето, работники в отпуску, можно ослабить работу? Вы знаете, что за одно лето, меньше— за две недели мы убили коллектор, искалечили детей. Все, что они получали здесь хорошего, слетело с них; начинай с начала.

— Но, но...—заведующий беспокоился.

— Маргарита Викторовна добилась своего — мальчики не ходят к девочкам, девочки—к ним. Они ненавидят друг друга...

— Неужели так серьезно.

— А вот как: вместо того, чтобы заниматься, они придумывают обидные клички, рисуют карикатуры и подбрасывают их, обмениваются кукишами, сочиняют обидные стишки. Мальчики недавно сделали мерзкую, противную газетку про девочек и хотели отправить к ним. Вот она,—Людмила Михайловна развернула лист. Заведующий разглядывал газетку, а руководительница говорила:

— Самые разумные, как Гудков, начинают плеваться в сторону девочек.

— Что такое сделали девочки?

— Что они могут такого сделать. Я виню Маргариту Викторовну и вас. Она сделала—своей глупой, старой институтской системой.

Разговор закончился тем, что заведующий и Людмила Михайловна решили помирить девочек с мальчиками, созвать общее собрание.

Собрание об'явили в отделении мальчиков, из-за этого девочки отказались итти на него.

— Мы их не обижали, мы не виноваты и не пойдем,—говорили они.—Пусть мальчишки идут.

Только заведующий уговорами и угрозами заставил девочек явиться. Они пришли и прижались к стене. Мальчики стояли у другой.

— Ребята!—сказал заведующий,—раньше вы не так становились, кучкой, плечо к плечу. Ну, ребята! Никто не двинулся.

— Ну, попрежнему, — убеждал заведующий, — Я хочу говорить не с мальчиками и девочками, а с воспитанниками, с дружным коллективом.

Лиза отделилась от девочек, перешла пустую середину и стала между Гудковым и Бунтарем.

Одна из воспитанниц негромко, но отчетливо сказала:

— К мальчишкам потянуло!

У Лизы появился нехороший огонек в глазах, точно она хотела ударить сказавшую, но она смолчала и осталась стоять.

Собрание продолжалось три часа, оно было сплошным спором о том, кто виноват.

Заведующий попросил поднять руки, кто хотел помириться. Подняли все, но резолюция о мире была нарушена, тотчас же после собрания снова заспорили, кто больше виноват, и взаимная отчужденность вспыхнула снова.

(Продолжение следует)

ВЫСТРЕЛ

(Из биографии ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ)

Очерк ВАЛЕНТИНЫ КОРДЕС
Рисунок худ. М. АКСЕЛЬРОДА

Десять лет тому назад (1919 г.) в Ленинграде тихо и одиноко умерла семидесятилетняя старушка. Звали ее Вера Ивановна Засулич.

Из теперешних ребят мало кто слышал это имя, но их отцам и дедам оно было хорошо известно.

Пятьдесят с небольшим лет тому назад имя Веры Засулич гремело по всей России, много говорили и писали о ней за границей. Неизвестную дотоле девушку одни превозносили, как героиню, другие клеймили, как преступницу.

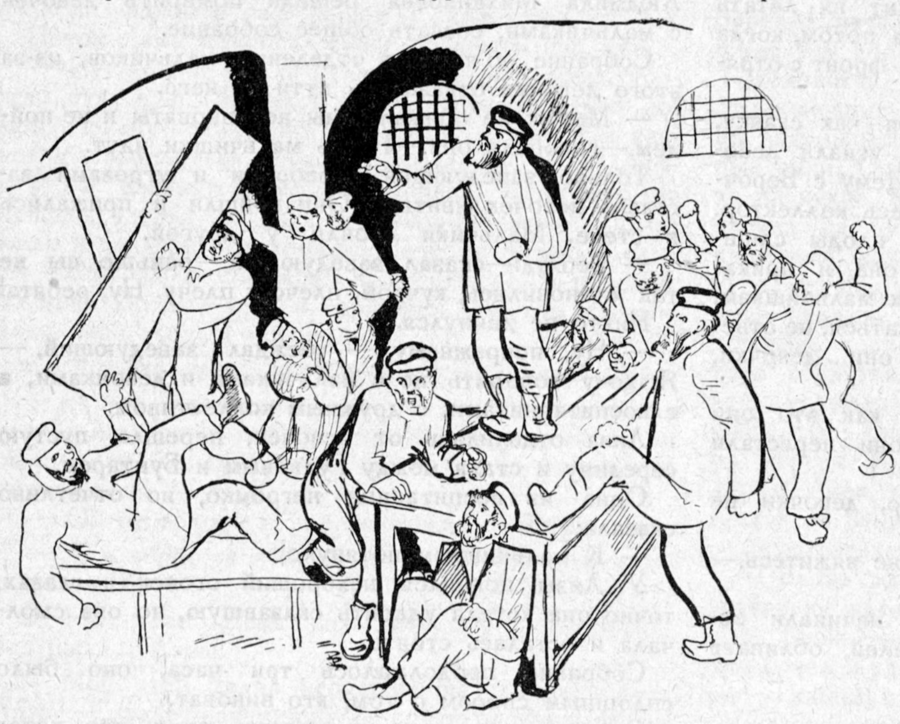
Что же сделала Вера Засулич? Почему ее поступок глубоко взволновал огромную страну и имя ее всегда с любовью и уважением будет вспоминаться в Стране советов.

Нам теперь трудно даже представить в каких невыносимо тяжелых условиях жила в то время наша страна под жестоким гнетом царского строя. Малейший протест против несправедливости, каждое слово о свободе—карались долголетней тюрьмой, далекой ссылкой.

Политические заключенные подвергались жестоким притеснениям, издевательствам.

Особенно возмутительный случай такого произвола и вызвал выстрел Веры Засулич.

Генерал Трепов приказал подвергнуть телесному наказанию политического заключенного студента Боголюбова за то, что при встрече с ним на тюремном дворе Боголюбов не снял фуражки.

Тюрьма походила на сумасшедший дом.

Приказ этот был вопиющим произволом. Даже по царским законам телесному наказанию могли подвергаться только уголовные арестанты, а не политические.

Политические заключенные, узнав о гнусном насилии над Боголюбовым, подняли бунт. Несчастные узники в бессильном негодовании метались в своих каменных клетках, выражая свой протест криком, стуком. Они ломали мебель, печи. Тюрьма походила на разбушевавшийся сумасшедший дом.

Испуганные, озлобленные тюремщики для прекращения „недозволенных беспорядков" врывались по нескольку человек в камеры заключенных и били их до тех пор, пока те не умолкали, потеряв сознание. Наиболее упорных, избив, бросали в карцер.

Карцеры эти были настоящими камерами пыток. Один из них представлял из себя сырой, темный склеп. Весь пол был покрыт человеческими испражнениями, среди которых копошились огромные черви. Зловоние было такое, что невозможно было дышать.

Через несколько дней для расследования беспорядков в тюрьму приехал прокурор. Войдя в карцер для допроса брошенного сюда заключенного, он не смог пробыть здесь и нескольких минут—ему стало дурно.

Другой карцер помещался над котлом парового отопления и во время топки температура здесь была совершенно невыносима.

Брошенный сюда заключенный остался жив только благодаря тому, что вышиб маленькое оконце и все время стоял около него и глотал входивший со двора свежий воздух.

Все это узнала Вера Засулич (не из газет, газеты ничего не смели печатать об этих событиях). Узнала от людской молвы, донесшей весть об ужасах в столичной тюрьме до маленького городка, где жила Засулич.

Вера решает, что молчать дальше нельзя. И она, Вера, отомстит за Боголюбова и за всех остальных.

Что будет с ней самой, об этом девушка не думала. Может быть убьют тут же на месте, может будут судить и приговорят к казни. Ни того, ни другого Вера не страшилась. Страшнее смерти была мысль, что совершающиеся ужасы будут продолжаться и дальше.

Вера решает стрелять в Трепова и едет для этого в Петербург вместе со своей подругой Машей Коленкиной.

О том, как произошло покушение, говорят воспоминания самой Засулич:

„Приготовив с вечера все что нужно, легла спать. Мне казалось, что я спокойна и только страшно тяжело на душе, но не от разлуки с жизнью на свободе.

В удаче я была уверена, все пройдет без малейшей зацепки, совсем не трудно и ни-

чуть не страшно, а все-таки смертельно тяжело.

Сон был полон кошмаров.

Но вот пора вставать—часов у нас нет, но начинает сереть, у хозяйки что-то стукнуло. К Трепову надо поспеть к 9 часам.

Мы молча встаем в холодной полутемной комнате[1]*. На улице уже рассвело".*

Подруги заезжают на вокзал, где Вера одевает другое пальто и другую шляпу, чтобы хозяйка квартиры не узнала преступницы по описаниям газет.

„Целуюсь с Машей и еду".

В канцелярии градоначальника уже несколько посетителей. Вера, овладев собой, спокойно беседует с ними.

„Ничего на душе, кроме заботы, чтобы все сошло как следует".

Но вот и Трепов с целой свитой военных останавливается перед Верой:

— О чем прошение?

Она отвечает, а револьвер уже в руке, нажала собачку... осечка...

„Екнуло сердце, опять нажала, выстрел, крик...

Револьвер я бросила, это тоже было решено заранее, иначе в свалке он сам собой мог выстрелить.

Чины полиции бросились ко мне.

Стояла и ждала. На мгновенье все словно оцепенели. Вдруг все задвигались. Посетители разбегались, чины полиции бросились ко мне, схватили с двух сторон.

— Где револьвер?

— Бросили на пол?

— Револьвер, револьвер отдайте! — продолжали кричать, дергая в разные стороны.

Потом начали бить. Повалили на пол.

— Вы убьете ее!

— Уже убили кажется.

— Так нельзя, оставьте, надо же произвести следствие!

Потащили в соседнюю комнату".

Перепуганные чиновники связали ей руки полотенцем и приставили сторожить двух солдат с ружьями.

— Берегитесь,—сказал солдатам один из чиновников,—а то ведь она и ножом пырнуть может.

Но солдаты не испугались, и когда все вышли из комнаты, один из них, нагнувшись к Вере, дружелюбно шепнул:

— И где ты стрелять выучилась?

— Училась, да не доучилась,—сказал другой,— плохо попала-то.

[1] Это было 24 января 1877 года.

Действительно, выстрел Веры не убил, а только ранил Трепова.

На суде Засулич сказала:

Тяжело поднимать руку на человека, но бывают обстоятельства, вынуждающие это сделать. Я надеюсь, что после моего выстрела станет невозможным то, что сделал Трепов".

Открывшиеся на суде беззакония по отношению к политическим были так ужасны, что даже блестящая публика в зале суда стала на сторону Засулич. Казалось, что судят не ее, а Трепова и весь государственный строй. И когда суд по решению присяжных вынес Засулич оправдательный приговор в зале раздались крики „ура". Не прошло однако и нескольких дней как приговор этот был отменен.

Вера Засулич скрылась тогда заграницей и прожила много времени в Швейцарии. Здесь она познакомилась с учением Карла Маркса и стала его страстной последовательницей.

В 1883 г. несколько революционеров-эмигрантов (Плеханов, Дейч, Аксельрод и Вера Засулич) организовали группу „Освобождение труда", которая явилась родоначальницей Русской социал-демократической партии, из которой вышла партия большевиков.

Группа „Освобождение труда" много и упорно работала над распространением учения Карла Маркса в России.

Когда в Швейцарию приехал В. И. Ленин, Вера сотрудничала с ним в „Искре". И Надежда Константиновна Крупская в своих воспоминаниях пишет, что Вера Ивановна всю себя отдавала этой работе, дни и ночи проводила в редакции. Все товарищи по работе отзываются о Вере Ивановне, как об исключительно прекрасном человеке.

Одним из отличительных ее свойств была необыкновенная скромность. Она совершенно равнодушно относилась к окружавшей ее славе и восторженному удивлению. На свой поступок (выстрел в Трепова) она смотрела не как на геройство, а как на простое выполнение своего долга. И поэтому ее чрезвычайно тяготили и смущали всякие восторженные почести, которые ей оказывали. Боясь их, она никогда не выступала на публичных собраниях и, бывая в обществе, старалась остаться незамеченной.

Вторым отличительным свойством Веры Ивановны была ее самоотверженность. Она никогда не думала о себе, о своих удобствах: питалась кое-чем, одевалась кое-как, но по отношению к другим проявляла всегда удивительную чуткость и отзывчивость.

Вернувшись в Россию, Вера Ивановна до самой смерти продолжала отдавать все свои силы делу рабочего класса.

ЗВЕРИ НА НЕБЕ

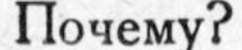

На самом деле есть на небе звери. Только не настоящие, а „звездные“, т. е. представляющие собою группы звезд. Так ли? Вспомним однако про Большую и Малую медведицы. Всякий конечно видел Большую медведицу на небе. Главные ее звезды — семь ярких звезд, расположенных в виде ковша с ручкой. Зовут ее иногда поэтому „ковшом“, а иногда „возом“. Кроме нее на небе есть Малая медведица, Дракон, Телец, Лев, Жираф, Овен — целый небесный зверинец (см. рис. 2)! Различные группы звезд еще очень давно получили эти звериные названия. Главные, самые яркие звезды этих созвездий (групп звезд) не дают на небе очертаний звериных фигур. Но так повелось еще с глубокой древности: небо заселено зверями уже тысячи две лет тому назад.

КАК НАЙТИ СЕВЕР

Легко отыскать на небе созвездие Большой медведицы. Где искать его? На северной стороне неба. Найдя Большую медведицу, продолжим мысленно линию, соединяющую две крайние звезды ее (см. рис. 1). Тогда мы на небе увидим одну из звезд другого созвездия — Малой медведицы. Эта звезда называется Полярной звездой (или просто Полярной). Теперь опустим мысленно перпендикуляр на линию горизонта, как и сделано на рис. 1. Точка С и будет точкой севера. Значит, кто знает, где на небе Полярная, тот всегда сумеет и без компаса итти к северу, тот и в глухом лесу сумеет найти нужное направление.

Почему?

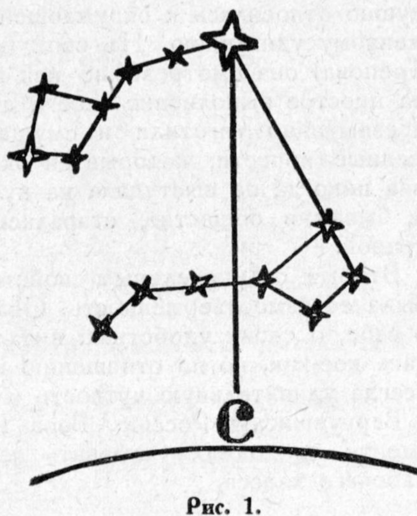

Рис. 1.

БЛУЖДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

Теперь все почти знают, что та земля, на которой мы живем, все время быстро носится около солнца. Наша земля — планета, т. е. „блуждающее светило“. Но кроме земли около солнца обращаются еще семь других планет: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун. Все эти планеты, как и наша земля, — темные шаровидные

Рис. 2. „Звездный“ зверинец.

тела, освещаемые солнцем. Наша земля сама не светит; она лишь отражает (как луна) солнечные лучи. Если бы мы улетели с земли совсем — пока этого еще сделать нельзя — и издали посмотрели бы на землю, она показалась бы нам яркой звездою. Значит и планеты должны нам казаться звездами. Но планеты вращаются вокруг солнца; поэтому они и по небу перемещаются и бывают видимы то в одном, то в другом созвездии.

В январе и феврале текущего года на небе нетрудно отыскать следующие планеты: Венеру, Марс и Юпитер. Эти три планеты отыскать очень легко, не зная даже никаких созвездий на небе. Марс и Юпитер надо искать по вечерам на западе (в созвездии Тельца). Планету сразу отли-

чишь от обыкновенной звезды по яркости и цвету. Юпитер кажется свинцовым, Марс — красноватым. На западе до середины апреля можно видеть после захода солнца Венеру — яркую, серебристого цвета звезду. Заметим еще, что звезды особенно в безлунные, холодные ночи сильно мерцают; планеты, наоборот, почти не мерцают.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА — ПЛАНЕТА ВЕНЕРА

С января до середины апреля Венера светит по вечерам. Ее легко отыскать по блеску в лучах вечерней зари. Она называется очень часто „вечерней звездой“ именно потому, что в иные годы светит вечером, тотчас после солнечного захода. Венера — близнец нашей земли; она почти такая же, как земля по своим размерам. Она окружена воздушной оболочкой, как и наша земля. Но в телескопы на ее крошечном диске ничего почти разобрать нельзя: мешает сильная яркость. Очень интересно, что в телескоп Венера кажется светлым с е р п и к о м, вроде луны. В январе и феврале серпик этот хорошо виден.

Почему Венера кажется в виде серпика?

Читайте о планетах книжки: 1) Я. И. Перельман.— Мир планет. 2) К. Л. Баев.—Земля, как небесное тело. 3) В. А. Костицын. Происхождение вселенной.

ЗВЕЗДОЧЕТЫ И АСТРОЛОГИ

За две тысячи лет до нашей эры планеты считались божествами или вестниками божественной воли. Поэтому еще в то далекое от нас время очень тщательно наблюдали положение планет на небе и следили за их перемещениями. По положению планет в том или ином созвездии пытались... предсказывать с у д ь б у какого-нибудь человека.

В средние века в большом ходу была особая наука — а с т р о л о г и я; в ней излагались разные правила для составления предсказаний по положению планет. Не все планеты одинаково „влияли“ на судьбу человека: Сатурн например приносил несчастье, а Юпитер славу, счастье, успех. Астрология была в ходу еще в XVI и XVII столетиях. Великие астрономические открытия XVIII века к счастью подорвали веру в эту ложную науку. В наше время конечно никто уже не верит во влияние планет и звезд.

В допетровской Руси тоже были астрологи. Назывались они звездочетами (иногда кудесниками). У них были и свои гадательные книги, например книга „Зодий“. Таких гадателей описывает нам Ал. Толстой в своей драме „Смерть Иоанна Грозного“.

Теперь нет астрологии, есть а с т р о н о м и я, т. е. наука о звездах, планетах, кометах — о строении всей вселенной. Пионер должен бороться с суевериями и предрассудками, пионер должен поэтому хорошо знать астрономию. Он должен быть хорошим звездочетом (астрономом).

Подумайте, отчего это понедельник считался нехорошим, незадачливым днем? Нет ли тут чего-нибудь от прежней астрологии?

АСТРОНОМ, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ АСТРОЛОГИЮ

Один знаменитый астроном, Тихо Браге, очень любил астрологию. Он составил предсказание для одного датского принца, что он заболеет и умрет на чужбине. Предсказание исполнилось, тогда как предсказания в других случаях не исполнились. Ученик Тихо Браге, знаменитый Кеплер, глубоко возмущался астрологическими предсказаниями, но сам вынужден был ими заниматься (за них платили хорошие деньги). Теперь вера в астрологию была бы смешна, как и вообще вера во все сверхъестественное.

Главный звездочет проф. К. Баев.

Астролог—гравюра Рембрандта. XVII век.

КОНКУРС РИСУНКОВ

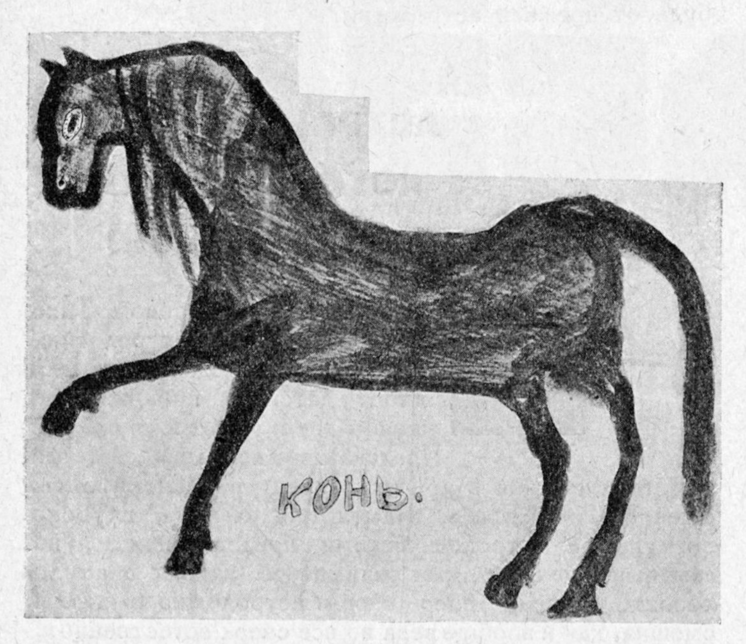

Рис. А. Лопатина Дер. Швырики, Вятской губ.

Конкурс на лучший рисунок продолжается. Каждый день редакция получает двадцать-тридцать рисунков.

При разборе этих рисунков редакция заметила, что многие ребята перерисовывают свои рисунки с картин, открыток или из книг.

Делать этого не следует. Такие рисунки получаются неинтересными. Гораздо веселей рисовать с н а т у р ы — окружающие тебя предметы или людей. Попроси кого-нибудь посидеть спокойно минут десять и попробуй его нарисовать. Редакции будет интересно посмотреть, что у тебя получится.

А то еще можно рисовать о т с е б я — выдумывать „из головы“. Такие рисунки редакция с удовольствием напечатает.

Итак рисуйте что угодно и как угодно, только не срисовывайте.

Шлите рисунки. Конкурс продолжается. Фамилии приславших рисунки будут напечатаны.

Рис. Левы Голубина

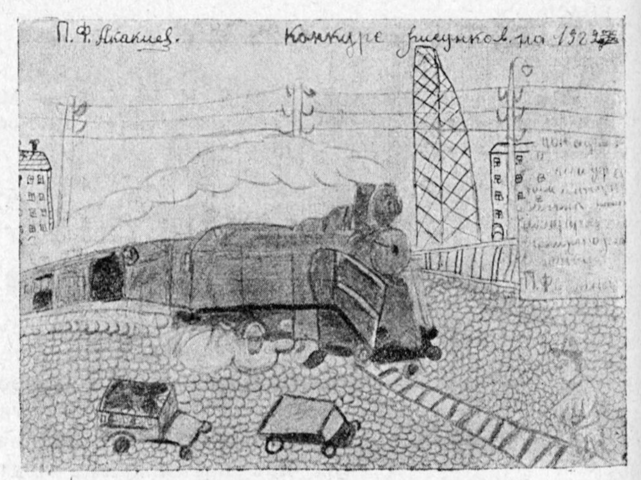

Рис. П. Ф. Акакиева

Рис. Б. Гришина Москва

Рис. Я. Богданова

Стихи М. СВЕТЛОВА

Рисунки Я. ТАЙЦА

Не прусская конница
Шла против нас,
Не Тьер нам грозил из Вер-
саля,—
Мы чистили ружья,
Мы семьи бросали,
Мы шли, выполняя приказ.

Сквозь отблеск багровый
Советских пожаров
Французская вьюга неслась,
Мы дрались, как черти,
И кровь коммунаров
На русскую землю лилась.

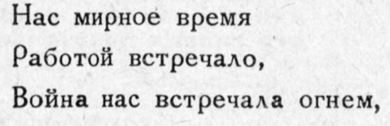
Мы мчались,
И кони срывались в галоп
Орудиям
Наперерез,
Мы жертв не считали...
И встал Перекоп
Огромной стеной Пер-ля-Шез.

Тогда наклонили мы
Старое знамя
Над грудой
Истерзанных тел,
Французские тучи гремели
Над нами
И ветер французский гудел.

Сквозь ветер бросаясь,
Несясь сквозь потоки,
Трубя,
И губя,
И рубя,
Я слышал, Коммуна,
Твой голос жестокий,
Я видел, Коммуна, тебя!

Кошмары бессонницы,
Жуть голодовки
(Труба все звала и звала)...
История нам прочищала вин-
товки,
История с нами была.

И песня,
Что в гуле звучала невнятно,
Что вечно звала,
Как призыв,
Неслась от Парижа к Уфе и
обратно—
Веселый французский мотив...

Нас мирное время
Работой встречало,
Война нас встречала огнем,

При каждой победе
Коммуна звучала
В израненном сердце моем...

Протяжная песнь
Похоронных гудков—
Мы наших бойцов погребли,
Коммуна рыдала,
Когда от полков
Дзержинский и Фрунзе ушли.

В далекие версты,
В смертельные дали
Мы мчались
Трубя и рубя,
Мы страха не знали
И мы побеждали,
Коммуна! Во имя тебя!

МАРТ — ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ „ПИОНЕРА“ — № 5

ЗДРАВСТВУЙТЕ,

ЧИТАТЕЛИ ДОРОГИЕ—ПОДПИСЧИКИ, ДЕТКОРЫ И ВСЕ ДРУГИЕ!

Читал я заметки многих ребят о том, почему ребята не идут в отряд. Вот Шура Фингерит быть пионеркой желает, но как это сделать—она не знает.

Ох, Шура! Отряд ведь к тебе не придет,—кто хочет вступить, тот отряд найдет.

А Гусеву кажется скучным отряд: доклады, беседы — ничему он не рад. И скука, и грусть, и тоска его гложет, но взяться за дело сам Гусев... не может.

В Александровом-Гае активисты—хулиганы: новичков они «обламывают» очень рьяно. А потом удивляется весь их отряд: почему нет притока неорганизованных ребят?

В Александровом-Гае слухам очень рады: наслушаются—трусливо бегут из отряда...

Ай, не гоже это ребята, не гоже! И на что ж это только, ребята, похоже?

Прочитав все заметки, свободен от дел, стал читать в «Бумеранге» другой я отдел. И отдел «В пионерской дружной семье» очень и очень понравился мне: вечерами ребята идут на прогулку, оживают все улицы и переулки. И идут там ребята в театр коллективом, и работа проходит занятно и живо. В школе также ребята дружат, и не ноют они и не тужат.

Ну-ка вы, хулиганы, трусишки и нытики, вот с кого вы пример берите-ка! Работайте сами, не ждите, что кто-то придет оживлять вашу работу.

Ну, ребята, пока до свиданья, спешу в редакцию—там заседание (Кузька приехал, и мне говорят, что будет сегодня он делать доклад).

Ваш братишка—вожатый **МИШКА**.

В ДРУЖНОЙ СЕМЬЕ ПИОНЕРОВ

«ДОЛОИ АЛЬБОМЫ»

Все альбомы и стихи—
Это просто пустяки.

(Из альбомов)

Некоторые девочки, нередко пионерки, во время уроков и в другое время пишут любовные стихи. Многие ученицы в Ал.-гайской ШКМ занимаются этим.

Вместо этого можно купить тетрадь, сделать дневник и записывать в него, какие прочел книги, записывать события из домашней жизни и проч. Это было бы ново и хорошо.

В Ал.-гайской ШКМ пионер-комсомолец Алексей Котышев решил повести борьбу с альбомами. Он вырвал у одной ученицы чуть не с дракою альбом и третий месяц держит его у себя.

Уважаемый тов. Котышев! Все альбомы тебе не удастся отобрать. Эта девочка наверно уже опять завела себе альбом.

Я думаю, что Котышев сделал неправильно. Ребята, я жду ваших ответов.

ТАНЯ

С. Александров-Гай

«ПУГАЧЕВЦЫ»

(Из дневника)

Теперь мы очень часто ходим по вечерам коллективно гулять. Вот и сегодня, как только сумерки тихо стали спускаться на деревню, мы группой человек двадцать пошли на улицу. Назвали мы свою группу «Пугачевским бунтом», под влиянием сегодня прочитанного рассказа «Пугачев». Шли по улице беспорядочной, шумливой толпой. Наша ватага, встречая гуляющих сверстников, с шумом и гамом подбегала к ним с требованием присоединиться к нашей компании, если же они не соглашались, то мы торжественно объявляли их «врагами» и водворяли в пушистые сугробы снега.

Так мы часто проводим свободное от занятий время. Иногда отправляемся на самодельных лыжах кататься с гор.

ГАЛКИНА

Д. Краинское

ПИОНЕРЫ

Вот они идут под звоны,
Слышен гул шагов.
Вьются алые знамена
Наших городов.
Поднимается все выше
Пионерский стяг,
И вдали уже не слышен
Пионерский шаг.
Ты милее всех и краше,
Юная страна,
И уносит песни наши
Быстрая волна.
И волнуются знамена
Красных городов,
Эти праздничные звоны
Будоражат вновь.

Москва — Н. ЛЯХОВ

ХОДИМ В ТЕАТР

(Отряд при дрожже-заводе «Пролетарий»)

В план работы 1-го звена был вставлен пункт—коллективно пойти в театр. Шла постановка «Запаюць верацены». Она ребятам очень понравилась. На следующем сборе мы собрались и стали обсуждать постановку. Это прошло очень оживленно. Через месяц мы решили пойти еще раз. Я советую всем отрядам делать тоже самое, т.к. это очень интересно.

Минск — М. ПЕРЕЛЬМАН

МЫ—ДРУЖНЫЕ РЕБЯТА

Прочитав много заметок об отношении мальчиков к девочкам, я узнал, что не везде оно одинаковое. Мне хочется описать какое отношение у нас. Приходит час дня—мы отправляемся в школу. В школе для того, чтоб не скучать и не мерзнуть, до уроков начинаем играть все—и мальчики и девочки. Но случаев, чтобы мальчик побил девочку или назвал плохим словом, никогда не бывает. Если на уроке нужно написать работу, а у кого-либо из ребят нет бумаги, то каждый всегда даст.

Деткор БЕРКОВИЧ

Харьков

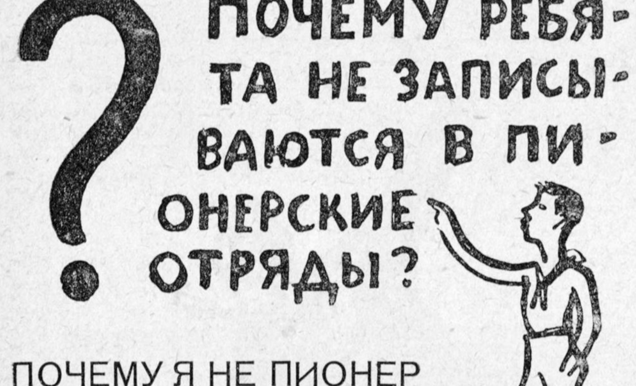
Хотим переписываться

ВОАЛИХОВСКАЯ школа. Вохомского р-на, Северо-Двинской губ.

ГРИША ЕЩИН БССР. Г. Речица, Советская, 132.

ЕКАТЕРИНА МАТЮНИНА Г. Лебедянь, Сов. ул., 13.

Н. ЗАСЛОНОВСКИЙ, п. о. К-Городецкое. С. К.-Городок. Школа-семилетка, уч-ку 7 гр.

ПОЧЕМУ Я НЕ ПИОНЕР

Дайте совет!

У нас в Москве при 28-й трудовой школе Кр.-Пр. р-на нет отряда. Как-то раз в нашу группу пришел вожатый из какого-то отряда и спросил, кто хочет записаться в пионеры. Из 42 ребят нашей группы 29 хотело. Вожатый провел с нами беседу о религии и обещал всех записать. Уже прошло несколько месяцев, а вожатый все не приходит.

Я давно хочу записаться в пионеры, но где—не знаю. Я прошу читателей „Пионера“ дать мне совет.

Мой адрес:

Москва 6, Самотека, 2-й Волконский, д. 3, кв. 4.

С товарищеским приветом Шура ФИНГЕРИТ, ученица 28-й школы, 3 гр. А. 10 лет.

ПИОНЕРЫ ВИНОВАТЫ

Ребята не вступают потому, что они религиозные, верят своим бабкам, да прабабкам. Виноваты и пионеры, потому что обижают новичков. Однажды был такой случай: пришел новенький пионер, над ним подшутили—поставили трехногий стул, и когда он сел, то стул сломался. Активисты стали смеяться, а новичок покраснел и на его глазах показались слезы.

с. Ал.-Гай — Деткор ЕГОР ЕГОРОВ

В ОТРЯДЕ СКУЧНО

Давно я задумывался над этим вопросом и вот что выяснил. Ребят отряд заинтересовать не может, потому что в отряде проводятся почти на каждом сборе длинные и скучные доклады. Мало устраивается полезных экскурсий, игр и коллективных читок книг, которые бы заинтересовали ребят. Часто отряд совсем не связан со школой, а поэтому бывает так, что наступает какой-нибудь праздник, на сборе ставится доклад, предположим о 1905 г., а в школе он давно прошел.

Если я запишусь, то я должен буду в свободное время, в воскресенье, сидеть в пионер-клубе. Я лучше это время проведу на свежем воздухе, на катке или поеду на лыжах в лес. Сами же пионеры не отличаются от неорганизованных, они курят и ругаются. Вот что я предлагаю для того, чтобы заинтересовать ребят работой отряда: долой длинные и томительные доклады на сборах! Даешь интересные беседы, читку книг и вылазку на лыжах в лес, или коллективное посещение катка! Теснее связаться со школой!

Воронеж — ГУСЕВ

РЕБУС

(№ Кириллов—ст. Лопасня М.-Б.-Б. ж. д.)

КАМЧАТКА

НУ И ГРУППА!!!

7-я группа 1-й школы II ступени г. Боровичей—целиком попадает на «камчатку». Вот что они делают: во время уроков немецкого языка поднимают шум, гам, крик и свист, учителя не слушают. Во время шума кто-нибудь крикнет «звонок!»—и все выбегают в коридор. Руководят этим безобразием Иван Трофимов и Семен Степанов. Интересно, кем они будут, когда вырастут?

Боровичи — Деткор Б. Ф.

ХАБАР

В 6-й группе 13-й трудшколы города Бердичева происходит вот что: классном записывает хулиганящих ребят для того, чтобы передать их на школком. Записанные ребята покупают ириски, конфеты, яблоки и все это дают членам класскома, а за это члены класскома вычеркивают хулиганящих ребят из списка. По-татарски это называется «хабар», а на русский язык пусть переведет школком их школы.

Бердичев — УЧЕНИК

НЕЖНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Хоть и очень это удивительно, но вот и учительница попала на «камчатку». Есть такая учительница в школе I ступени в с. Александровом-Гае, Лялькова, Прасковья Денисовна. Она как встретит деткора, то нежно называет его подлецом, а деткору Ф. Мамонову она пригрозила даже тюрьмой. И почему она не любит деткоров—неизвестно.

с. Александров-Гай — ТАНЯ

ЛЮБИТЕЛЬ ПЕНИЯ

Во 2-й группе 17-й школы I ст. г. Саратова есть один хулиган: на уроках он поет, выкрикивает хулиганские слова, на замечания учительницы не обращает внимания. На переменах он бьет девочек и подставляет всем ногу. Я думаю, что он по этому описанию узнает себя и исправится.

Саратов — В. СТАРОЖИЦКИЙ

КЕМ ВЫ ХОТИТЕ БЫТЬ?

(нашим читателям).

Редакция получила много откликов от отдельных ребят на письмо Шуры Климовой.

Обсуждайте это письмо коллективно—на сборах отрядов, в школах, в детских домах и присылайте ваши мнения.

В следующем номере читайте ответы деткоров Шуре Климовой.

Повесть Л. КАССИЛЯ
Рисунки худ. А. БРЕЯ

СКАЗАНИЕ ОБ АФОНСКОМ РЕКРУТЕ

Восемь непонятных записей хранит в своих страницах кондуитный журнал. Восемь загадочно одинаковых записей, помеченных одним днем. Вот что написано в кондуите восемь раз:

„Ученику... (такому-то) об'явлен строжайший выговор с последним предупреждением за злостно-хулиганские проступки. Отметка в поведении за четверть 4— (четыре с минусом). 20 часов лишения праздника. Предупреждены родители. Классный наставник такой-то (подпись). Надзиратель (подпись)“.

Восемь записей этих скрывают в себе скандальную и трагическую историю, взволновавшую в свое время весь город. Но никому неизвестны развязка этой истории, ее конец и истинные участники. В кондуите ни слова нет о фараоне Козодаве, Афонском Рекруте и шаманском дворце мадам Коленкоровны. Покойный гимназический сторож Михеич поведал мне тайну кондуита. Об этом я хочу рассказать.

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК

Лет 18 тому назад в городе не было электрических звонков. Висели на крылечках проволочные ручки, ну вроде тех, какие в уборной бывают. За ручки дергали. Но вот приехал в слободу (Покровск был тогда еще слободой Покровской) новый доктор, про которого говорили, что он очень уважает науку и технику. Действительно доктор выписал „Ниву“ и провел у себя в квартире звонки с электрическими батареями. На двери рядом с карточкой выпятился беленький кукиш кнопочки звонка. Пациенты нажимали кнопочку, и тогда в передней оживал голосистый звонок. Это страшно всем понравилось. Доктор приобрел громадную практику, а в слободе завелась повальная мода иметь электрический звонок на парадном крыльце. Через пять лет не осталось почти ни одного домика с крылечком, на котором бы не было кнопочки звонка. Звонки звенели на разные голоса. Одни трещали, другие переливались, третьи шипели, четвертые просто звонили. Около некоторых кнопок висели вразумляющие об'явления: **„Прозба не дербанить в парадное, а сувать пальцем в пупку для звонку“.**

Покровчане гордились своей „звонкофикацией“. О звонках говорили с нежностью и увлечением. При встрече справлялись о здоровье звонка.

— Петру Степановичу! Мое вам... Ну, як ваш новенький? Справил мастер?

— Спасибо, справил. О цеж и гарный звоночек. Милости просим послухать. Чистый канарей.

Свахи, расхваливая невесту, хвастали:

— Дом за ей дают флигелем, на парадном звонок ликстрический.

А слободской богач Млынарь завел у себя семь разных звонков на все дни недели. Самый веселый разливался по воскресеньям. В постные дни дребезжали большие звонки самого мрачного тембра.

Когда какой-нибудь звонок переставал вдруг звонить, хозяин сейчас же посылал за Афонским Рекрутом. Рекрут врачевал старые звонки, ставил новые и слыл лучшим „звонковым мастером“ в слободе. Слава его была велика. В слободской летописи он занимал столь же почетное место, как Сапсаево озеро—лучшее и поныне болото в Покровске, как Лазарь—лучший из извозчиков, здравствующий и сейчас; как пожар амбаров—лучший из пожаров.

ШАЛМАН

Афонский Рекрут жил на базаре, у мясных, пахнущих кровью, рядов в шалмане. Так называли свое неуютное, грязное жилье обитатели его. Рядом с шалманом была большая яма. На дне ее вечно стояли вонючие лужи и собаки волочили петли кишок, комья требухи, облепленные золотисто-зелеными мухами. Немного дальше, полный перестука и звона, расположился скобяной ряд.

В шалмане жил Афонский Рекрут. Откуда взялся он, почему его звали так, какого роду-племени он был — никто не знал. Хотя знали его все. Был он крепок и смугл, как каленый орех, худ, гибок, подвижен, как вымпел. В левом ухе болталась громадная круглая серьга. Из-под горбатого носа торчали длинные и черные усы. Левый ус загибался кверху, правый—книзу, как кран умывальника. Белоснежные зубы всегда сверкали в улыбке. Руки были вечно заняты какой-нибудь работой. А руки у Рекрута были, что называется, золотые. Все умел делать. Был механиком, парикмахером, фокусником, монтером, столяром, сапожником, матросом, жонглером, часовщиком, чем хотите.

Он был самым уважаемым человеком в шалмане. Все слушались его и любили. Никто не видал его сердитым. Даже когда в шалмане вспыхивала ссора, обнажались ножи, даже тогда блестела улыбка Афонского Рекрута. Он, словно из-под земли, появлялся между ссорившимися, разнимал их и, взлетев балаганным чортом на нары, кричал:

— Поштенный публик! Киляля! Последний новейший фокус-покус черной, белой и полосатой с кра-

пинками магии, мадамы, мусьи и джентльмены! Атанде трошки! Гляйх их бин деманстре фокус-покус! Америк! Аллюра-шкидла!

Из кармана его летели коробки, шарики. Все вертелось над головой. Шляпа садилась на тросточку, стоящую на носу, папиросы зажигались из рукавов. Живот пел женским голосом. А рваный ботинок разевал рот и говорил: мерси...

В шалмане позабывали про ссору.

Хозяйство в шалмане вела полусумасшедшая Дунька Коленкоровна. Любимцем ее был дурачок Костя Гончар. У Кости была безобидная мания навешивать на себя всякие яркие вещи. По городу он ходил в лохмотьях, на которых висели картинки из „Нивы", крышки чайных ящиков, рекламы папирос „Бабочка" и „Ю-Ю", ландринные коробки, бусы, бумажные цветы, карты, обрывки сбруи, сломанные ложки. В городе его любили, как блаженненького, и дарили разные яркие ненужные вещички. До сих пор в Покровске про человека, одевшегося слишком ярко и пестро, говорят:

— Ось! Понарядился, как Костя Гончар.

Любил заглядывать в шалман „фараон" Козодав, городовой, охранявший порядок на базаре. Козодав имел все, что полагается иметь образцовому городовому: свирепые усы, бляху, свисток, шашку-„селедку", хриплый раскатистый бас, нос сливой, медаль и шнурочные красные погоны, служившие предметом зависти Кости. Фараон заходил в шалман клюкнуть рюмочку у Коленкоровны, подуться в картишки и побеседовать „за жизнь" с мудрым комми-вояжером Иосифом Пукисом.

А еще жили в шалмане золотарь Левонтий Абрамкин, немец-шарманщик Гершта с попугаем, который умел тащить билетики „счастья", чахоточный китаец Чи-сун-ча и два друга, два вора: Шебарша и Кривопатря.

ЧОРТ И „МЛАДЕНЦЫ"

По вечерам в шалман пробирались гимназисты. Здесь можно было пожевать макуху, отдохнуть в хорошем обществе, забыть на часок разграфленую гимназическую жизнь, полаять учителей, покурить, не боясь нарваться на Цап-Царапыча, сыграть в „очко", трахнуть рюмочку денатуратчика. Здесь никто не спрашивал, какая отметка будет в четверти по-русскому, готовы ли уроки на завтра. Мы были здесь желанными гостями. Вместе с нами жители шалмана горячо возмущались гимназическими порядками и многие даже готовы были бить латиниста за несправедливую единицу. Особенно горячился тихий вообще Чи-сун-ча, вырезая фестоны из разноцветной бумаги:

— Какой зилая латыня,—говорил он,—лах холосо, засем единиса?

Мы приносили в шалман интересные книжки, последние новости, наши гимназические завтраки, безделушки для Кости Гончара. Взамен мы приобретали некоторые полезные сведения и навыки по части вырезывания замков, чистки ретирад и приемов одесского джиу-джитсу.

Но Афонский Рекрут любил поспорить о прочитанной книге и втягивал нас в эти споры. Над ним сперва потешались: связался, дескать, чорт с младенцами, но вскоре в спорах стали принимать участие почти все шалманские обитатели. Кроме того один из „младенцев", Васька Горбыль, так отлупил Шебаршу, что к гимназистам стали относиться с полным уважением. Сначала читали легкие книжки. Так мы проплыли „80.000 лье под водой", нашли „Детей капитана Гранта", чуть сами не потеряли головы с „Всадником без головы". А потом Степка Гавря, по прозвищу Атлантида, принес под полой и другие книжки. Затаив дыхание, слушал шалман о парижских коммунарах, и вскоре промеж себя шалман стали называть шутя шалманской коммуной.

Тайна этих посещений сохранялась гимназистами очень строго. Даже в классах многие не знали, где проводит время так называемая Биндюгова шайка. Когда в шалман неожиданно заходил Козодав, книжки тотчас прятались, а фараону преподносилась рюмочка. Разомлевший фараон таинственно сообщал:

— Слышь, гимназеры? Раньше, как через полчаса не вылазьте. Ваш Цап-Царапыч по Брешке шныряет. Я тогды скажу, как можно станет.

Афонский Рекрут.

ВО САДУ ЛИ...

В сентябре в Народном саду поредела листва, побурел кохий[1]. Сад стал походить на вытертый воротник старой шубы.

В сентябре на главной аллее гимназисты затеяли с парнями драку.

Пятиклассник Ванька Махась гулял с гимназисткой. Сидящие на скамейке парни с Бережной улицы стали „зарываться".

— Эй, сизяк! Ты с нашей улицы девченок не замай.

Махась отвел гимназистку к фонтану. Сказал:

— Я извиняюсь. Одну секунду. Я в два счета.

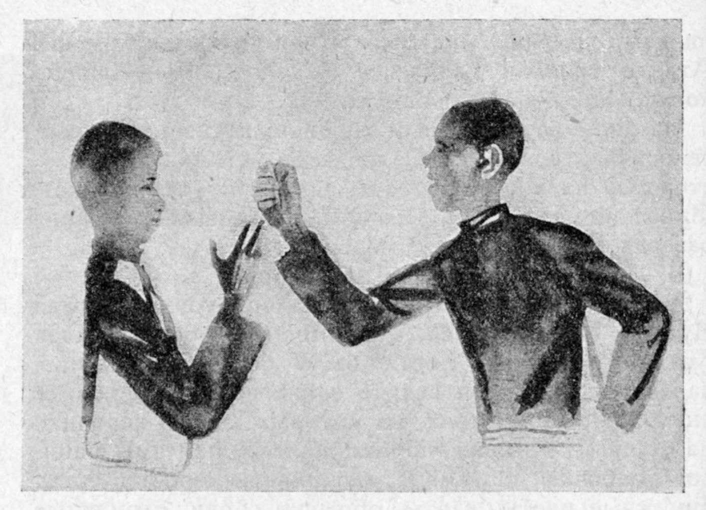
Потом вернулся на аллею, подошел к парню и молча ударил его по зубам. Парень слетел со скамейки на проволоку, ограживающую аллею. Товарищ его железной палкой проломил Махасю башку. Махась крикнул своим и рухнул на песок аллеи. И сейчас же вся аллея покатилась в одной общей сплошной драке. Дрались молча, потому что на соседней аллее сидели пре-

[1] Кохий—трава, которой обсаживают аллеи.

подаватели. Парни тоже понимали это и считали нечестным кричать и тем подводить противников.

Проходившие сторожа разняли дерущихся. Появление Цап-Царапыча окончательно прекратило побоище. Махася на шинели отнесли в больницу.

И тогда городская дума попросила директора внести в список запрещенных для гимназистов мест и Народный сад. Директор с полной готовностью согласился. Гимназисты лишились последнего места для гуляния. Они пробовали протестовать, но родительский комитет одобрил приказ директора.

Кулак у него был громадный.

«ИДЕМ НА ВЫ!»

В тот же день в шалмане состоялось экстренное и тайное совещание. Из гимназистов присутствовали лишь Биндюг и Атлантида.

Атлантида был вне себя от негодования.

— Нет,—волновался он,—это просто чертовщина какая-то! Охалпели они что ли? И так носу сунуть никуда не дают, а тут еще это... Плюю я после этого на весь Покровск!

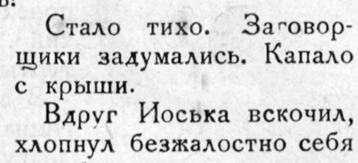
— Знаете, что я вам предложу?—сказал Иоська.— Пошлите попечителю телеграмму. Нельзя же молчать. Ведь это прямо какая-то черта оседлости для гимназистов. Тут нельзя, там нельзя. А где можно? Я знаю где?..

— Аллюра-шкидла! Да, какие тут к чертям телеграммы!—перебил его Рекрут.—Нет, тут надо поварить котелком. Иес!

— Размордовать!.. И никаких,—весело посоветовал с верхних нар Кривопатря. Он лежал, свесившись, и сосредоточенно плевал, стараясь попасть в согнутые кольцом пальцы.

— Нет!—твердо сказал Атлантида.—Этот номер не пройдет, тут треба всему городу накласть... Чай они все виноваты. И дума и комитет. Черти свиные!.. И чтоб не всыпаться самим. А то как засвистишь из гимназии... Вот тут и мозгуй.

—У нас ребята дружные,—добавил Биндюг,—как насядем гуртом—держись!

Фараон Козодав

Стало тихо. Заговорщики задумались. Капало с крыши.

Вдруг Иоська вскочил, хлопнул безжалостно себя по лбу и воскликнул:

— Эврика! Эврика!—что значит по-гречески нашел. Блестящая идея зародилась в этой голове... Что?

— Да ну, не тяни ты, ради бога! Говори что ли!

— Что это за колоссающий шум? Вы где, в гимназии или в порядочном шалмане?

— Скажешь ты или нет! Тянет, чорт тебя не дери...

— Тсс! Прошу наблюдать тишину! Моя идея— идея-фокус! Она имеет для всех нас только хорошие стороны - и ни одной плохой. Так слушайте же вы... В чем исключается моя заключительная. То-есть наоборот! В чем заключается моя исключительная идея. Вы берете и делаете так...

И Иоська стал тощими своими пальцами, как ножницами, стричь воздух. Он стриг таким образом воздух несколько минут, потом обвел всех сияющим взглядом и сказал торжественным шопотом:

— Звонки...

„МАНИФЕСТ“

Для проведения „звонкорезной“ кампании Биндюг назначил восемь отборных ребят из всех классов. Для этого заготовили такие манифесты:

„Ребята! Нам запретили шляться по Народному саду. Посмотри, не смотрит ли на тебя кто. Против нас стоят Рыбий Глаз, Дума, Родительский. Выходит против нас весь город. За это им надо так наложить, что год после... Весь Покровск попомнил чтоб.

У нас, в Покровске, все носятся со своими звонками, как дурни с писаной торбой. Ребя! Мы, Комитет Борьбы и Мести, решили срезать все звонки в городе. Каждый из нас должен срезать в установленный заранее день звонок со своих дверей. Родители за директора. Не церемоньтесь с папочками и мамочками. Режьте у них звонки. В тех домах, где нет гимназистов, звонки будут срезаны квартальными ребятами, которым это поручит Комитет Борьбы и Мести лично. Мы проведем „Варфоломеевскую“ ночь в смысле звонков! Ребята! Режьте без пощады! Нас довели до этого. Нас лишили последнего гулянья и отдыха на лоне и развлечения.

В каждый класс назначаются от Комитета Б. и М. старосты. Слушайтесь их, господа! (Ввиду опасности выкидки, даем клички.).

1 класс	„Маруся“ („Дондер-Шиш“)
2 „	„Свищ“
3 „	„Атлантида“
4 „	„Кобел“
5 „	„Цибуля“
6 „	„Сатрап“ (Тень отца Хамлета)
7 „	„Мотня“ („Я—житель“)
8 „	„Царь Иудейский“
Главный	„Биндюг“.

Срезанные звонки сдаются классному старосте. Он передает их через Комитет одному инвалиду, который за это будет давать нам порох, патроны, пугачи и др. О дне „Варфоломеевской ночи“ будет дан старостами сигнал в виде белого треугольника, присобаченного к окну на стекле.

Не надо ломать большой звонок у учительской, а то догадаться можно кто. Кто будет об этом звонить, тому так заткнем звонок... Режь звонки!

Один за всех!

Все за одного!
Да живет Борьба и Месть!
Подпишись, передай дальше, кроме Лазарьнова и Балды.
«Ком. Б. и М. 1915 г.»

И пошли гулять по гимназии „манифесты" под шопот подсказки, в томоше перемен, в накуренной вони уборной. 268 шинелей висело в раздевалке. 266 подписей собрали манифесты. Не дали манифеста сыну пристава Лазарькову и товарищу его Балде.

Война была об'явлена.

СОРВАННЫЕ ГОЛОСА

Через пять дней главари собрались поздно вечером в шалмане. Несмотря на позднее время, все они явились с тяжелыми ранцами за спиной. А в ранцах, там где бывал обычно многоводный „Саводник" и брюхатый цифрами „Киселев" [1], лежали срезанные кнопки звонков. Белые, черные, серые, перламутровые, эмалевые, желтые, тугие и западавшие кнопочки (раз нажмешь—звонит без конца) смотрели из деревянных, металлических кружков, квадратиков, овалов, розеток, лакированных, ржавых, мореных и крашеных под дуб и под орех. Оборванные провода торчали из них, как сухожилия вырванных пальцев.

Весь город записался в очередь к Афонскому Рекруту. Две недели с утра до вечера привинчивал Рекрут новые звонки, ставил сорванные голоса, как шутя любил он говорить. Когда же последняя кнопочка была привинчена, Рекрут сказал Биндюгу:

— Крой! Через неделю.

В субботу была грязь. Не одна галоша захлебнулась в лужах, не один резиновый бот затонул на главной улице Покровска. Когда же, теряя галоши, дорогу и силы, покровчане пришлепали из церкви домой, они долго шарили в темноте по дверям, зажигали спички, прикрывая их ладонью от ветра. Кнопок не было. К ночи весь город знал: новые звонки срезаны.

— Що ж таке?—волновались на другой день в церкви на обедне, на углах улиц, на завалинках у ворот.—Матерь божия! Середь белого дня... грабеж. Мабуть вони целой шайкой шкодят?..

— Як же!.. Поставила я кесто та и вышла трошки с шабрихой [2] покалякать, с Баландихой. Ну, а у хаты Гринька, бильшенький мой, уроки кажись учил. Покалякала в трошки, вертаюсь назад, хочу парадное зачинить... шась! Нема, бащ, звоночка... И не было никого округ...

И не знала бедная кума, что ее-то „бильшенький", курносый пятиклассник Гринька, сам и срезал звонок...

[1] „Саводник" и „Киселев"—учебники литературы и математики, принятые в прежней гимназии.

[2] Шабриха—соседка.

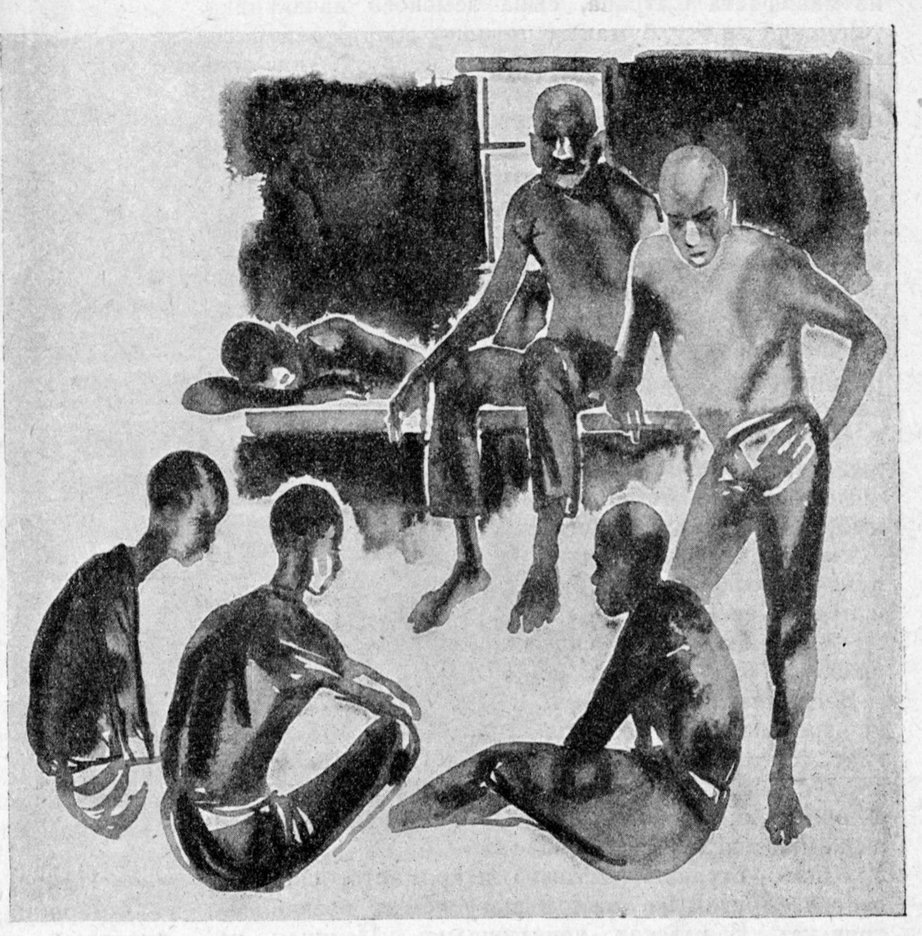
ЗАСЫПАЛИСЬ...

Пристав сказал Козодаву:

— Чтоб у меня эти звонкорезы были пойманы! Слышишь? Оскандалился, чорт тебя бы не взял, на весь город!.. Поймаешь—пятьдесят рублей награды. Нет—так ты у меня попрыгаешь, бляха номер два ноля!

Фараон с рвением взялся за розыски.

Он шел по базару... Не шел, а плыл. Красные шнуры погон на его богатырских плечах взлетали, как весла в людской реке базара. И на базаре Козодав встретил Костю Гончара, шалманского блаженного и пестрого Костю. Разукрашенный, как рождественская елка, бродил Костя по базару. Две новых реликвии лучились на его брюхе. Реклама галош

В шалмане.

„Треугольник" и... большая красная розетка с кнопкой от звонка. Увидев звонок, фараон кинулся к Косте. Он пообещал Косте, если тот скажет, откуда у него звонок, красные погоны, золотые висюльки и все что угодно. Костя, улыбаясь, рассказал все... Рассказал, как украл звонок из-под нар Рекрута.

— Рекрут сховал, а я пошукал трошки, та и взял... Там их сколько много!.. Раз, та еще двадцать раз, та еще...

Козодав пообещал еще тысячу разных ярких вещей. Костя принес ему обрывки «Манифеста Борьбы и Мести». Главари были в руках. Чтоб словить остальных, фараон решил соблазнить Иоську. Он явился в шалман и сел на Иоськины нары, дипломатически покашливая.

— А-а, господин лейб-городовой,—приветствовал его Иоська,— вы до меня? Чем могу быть нужным?

Фараон придвинулся поближе, огляделся, ткнул Иоську локтем в бок.

— Ох, Иоська, як, бачу я, и хитрый же ты. А ну-ну, расскажи, як с Рекрутом звоночек срезали. Я никому ни-ни. Так послухать охота. Ну брось кобениться.

— Я ни капли вас не понимаю,—сделал удивленно-спокойное лицо Иоська.

Козодав вынул бумажник и зашелестел радужными бумажками. Иоська спокойно продолжал:

— И потом мне кажется, не в обиду вам пусть сказано, что вы, господин лейб-городовой, выколоссающий обер-подлец!

Козодав погрозил кулаком, хлопнул дверью и вышел. По дороге он остановился. Вынул „манифест". Начало и конец были оборваны, но список старост остался нетронутым. Поразмыслив, Козодав вырезал из манифеста Сатрапа, сына земского начальника. „Земский за эту бумажку пятишку даст,—решил городовой.—А не то и его сынка попрут". Поправив фуражку, фараон пошел в участок, а оттуда в гимназию, к директору...

ШАГИ В КОРИДОРЕ

Скучный ветер студил лужи, как чай на блюдечке. Звенели телефонные провода. В десять телефонная барышня соединила звенящими в ветре проводами полицейский участок с зеленым кабинетом за учительской. Директор, зеленый, как обои его кабинета, и медлительно безрадостный, как диктант, повернул рукоятку телефона, откинулся в кресло, снял трубку и поднес ее к уху.

— Дэ,—сказал он,—слушаю.

В гимназии шли уроки. И через полчаса во всех классах услышали: по коридору прошли двое. У этих двоих были тяжелые, незнакомые и недобрые шаги. У одного, ступавшего тяжко и кряжисто, скрипели сапоги. Другой на каждом шагу чем-то позванивал, тренькал. В классах прислушались. Подняли головы от тетрадей, шпаргалок, щелей в парте, от запретных книжек и козырного валета. На дверях остановились настороженные взгляды.

Как резали звонки.

РАЗВЯЗКА

В третьем шла письменная по алгебре. Коридор опять затих. Скрипели перья. Биндюг сморозил что-то в задаче. Не выходило по ответу. Шаги в коридоре совсем сбили с панталыку. Степка-Атлантида, у которого сердце тоже екнуло, увидев друга в затруднительном положении, послал ему записку:

„Свинья не выдаст, директор не с'ест"...

Но свинья выдала... Дверь класса раскрылась. Класс грохнул партами. Вошел мерзостно-ликующий Цап-Царапыч, играя брелком-ключиком. Ключик был от шкафа, где лежал кондуит. Цап-Царапыч вызвал:

— Гавря! К директору!

Атлантида растерянно вырос над партой. Цап-Царапыч заторопил:

— Ну, живо! Поворачивайся. Книги возьми с собой...

Класс взволнованно загудел. С книгами!.. Значит совсем. Не вернется.

Биндюг ждал, словно под удар наклонив голову, но Цап-Царапыч молчал. Козодав, убоявшись биндюговых кулаков, вырезал и его из списка.

Атлантида дрожащими руками собрал книги. Взял ранец и пошел к двери. По дороге незаметно сунул Биндюгу свернутую в трубочку бумажку. В дверях Атлантида остановился и хотел что-то сказать, но Цап-Царапыч вытолкнул его за дверь. Класс томительно молчал. Учитель математики нервно протирал запотевшие стекла очков...

Биндюг расправил [бумажку, которую ему дал Атлантида. На бумажке было полное решение задачи, невыходившей у Биндюга. Степка и в последнее мгновение помог. С минуту Биндюг сидел неподвижно, опустив голову и уткнувшись глазами в одну точку. Потом вдруг встал, качнулся над партой, вобрал воздуха во всю свою широкую, как рыдван грудь, избычился и решительно сказал:

— Можно выйти?

— До конца урока осталось десять минут,—сказал учитель.

— Можно выйти?—упрямо выдыхнул Биндюг и шагнул в проход.

— Идите, если вам так приспичило.

Замерший класс увидел, что Биндюг собрал книги, торопясь попихал их в ранец и грузно пошел с ним к дверям. Небывалая тишина наступила в третьем классе.

Не оглядываясь, Биндюг вышел в коридор. В пустом коридоре Биндюг почувствовал себя маленьким и обреченным. И он услышал, как за дверью, в страшном онемении покинутого им класса полыхнул, взвился над партами, чернильницами, кафедрой тонкий хохот и перешел в захлебывающийся визг. Это на первой парте, не выдержав, забился в истерике маленький Петька Ржаной...

Биндюг расправил плечи и зашагал в кабинет директора.

ВОСЕМЬ

Козодав сопел. Он сопел и тыкал пальцем в стоящих перед ним гимназистов.

— Так точно! Это вот Свищ. А этот-с Атлантида-с. Ихняя кличка такая-с.

Другой, позванивая шпорами, раскачивался, откинувшись на спинку стула, и крутил черные усики.

— Так-с, так-с... Ай-да конспирация!.. Так-с, молодые люди.

Семеро стояли перед столом. Семеро, так как сына земского начальника не было. Копоть тоски и отчаяния оседала на лица.

— Так. Отлично,—сказал резко и сухо директор, словно щепка треснула,—благодарю вас. Ну-с, скверные мальчишки! Что вы можете сказать? Стыд! Срам! Позор! Кто был еще с вами? Не скажете? Скверные, отвратительные мальчишки. Мародеры! Вы все будете исключены. Вы позорите герб. Разговоры бесполезны. Пришлите родителей. Мне их очень жалко. Иметь таких детей—большое горе для родительского сердца. Дрянь.

Семеро вскинули глаза и тяжело вздохнули. Родители... Да... Сейчас дома будут слезы матери. Ругань. Отодвинутый с грохотом стул отца. Может быть оплеуха. Стынущий обед... „Водовозом будешь, скотина!..“ Пустые дни впереди.

И Царь Иудейский грубо сказал:

— Не будем касаться родителей, Ювенал Богданыч! И так тошно.

— Молчать! Вы что, волчий билет захотели, скверный мальчишка!

В это время вошел Биндюг. Он уперся в край стола. Стол заскрипел. Биндюг, тяжело двигая челюстью, разжевал:

— Я тоже, Ювенал Богданович... Я... их главный.

— Ну, что ж. Можешь считать себя свободным. Ты тоже исключен.

В раздевальне стало меньше на восемь шинелей. Восемь человек побрели по размякшей площади, увязая в грязи, согнувшись под тяжестью ранцев и беды. В последний раз они оглянулись на гимназию, и один из них—это был Биндюг, в классе из окна видели—злобно погрозил кулаком. И в классах всем, кто видел их, захотелось кричать, трахнуть кулаком по парте, опрокинуть кафедру, догнать ушедших... Но в классах сидели гимназисты. А гимназистам запрещалось шуметь и быть товарищами, пока им не разрешал это звонок, отмеривающий порции свободы.

Перья скрипели и кляксили.

ИОСЬКА БЕНЕФИЦИАНТ

А к середине пятого урока в тихий коридор вошел серьезно Иоська. Макеич, сторож, опилками мыл пол. Иоська вежливо поздоровался и сказал вкрадчиво:

— Господин обер-швейцар! Мне бы так треба видеть господина директора. Дело идет об жизни и наоборот.

Директор принял Иоську в учительской. Директор торопился:

— Ну-с? Чем могу?.. Э-э... Прошу не задерживать.

— Господин высший директор,—начал Иоська,—я старый блуждающий еврей и я вижу на вашем лице семейное счастье. Бьюсь об закладку, ваши дети не будут ходить босы и наглы.

— Короче!—сухо перебил директор.—У меня нет детей. И кроме того нет времени...

— Одно маленькое мгновение, господин директор. Вы сегодня исключили восемь ребят. За что вы их исключили, я вас спрашиваю? А я имею право спрашивать? Нет! И еще двадцать раз нет. Но у меня мягкое сердце. А когда мягкое сердце, так нельзя молчать. Мне очень жалко за мальчиков. А еще больше мне жалко за родителей, которые нянькали и росли этих мальчиков. Господин директор, у вас нет детей. Дай вам бог, чтобы они у вас были. Вы не знаете, как это ой-ой-ой больно, когда приходит ваш мальчик и...

— Будет!—встал директор.—Бесполезный разговор. Выход на улицу вон в ту дверь.

— Одну маленькую минуточку!—закричал Иоська, хватая директора за рукав.—А вы знаете, что эти звонки, чтоб они пропали, резали все ваши мальчики. Сколько учится их у вас всего?

— 272 учились до сего дня,—машинально отвечал директор.

— Так из них резало 260 самое меньшее. Что вы на это скажете? А что, если я скажу, что ваш лучший ученик, сын господина высшего земского начальника, дай бог ему здоровье, резал тоже и даже лучше многих? Полиция вам показала кусочек.

И Иоська вынул полный „манифест“ и показал директору. Директор побледнел. Подписи всех восьми классов стояли на манифесте. Директор брезгливо протянул Иоське руку.

— Садитесь... пожалуйста...

Тогда Иоська изложил свой план. Мальчиков принимают в гимназию обратно. Полиция делает обыск в шалмане и находит звонки. Афонский Рекрут пока скроется. С ним все уже договорено. Все будут думать, что звонки резали бродяги из шалмана, гимназисты будут оправданы. Скандал будет потушен. Если же директор не примет обратно мальчиков, весь город, вся губерния, весь учебный округ узнает завтра же о порядочках в Покровской гимназии и о том, как ведут себя дети земских начальников...

— Хорошо,—выдавил директор,—они будут приняты обратно. Мы им запишем только в кондуит.

И он вынул бумажник.

— Сколько вам следует за это,—спросил директор,—за это и еще за то, чтобы вы молчали?

Иоська вскочил. Иоська перегнулся через стол. Иоська сказал:

— Господин директор! Вам не придется платить мне, господин директор... Но, клянусь памятью моей матери, да будет ей земля пухом и прахом, что будет такое время, когда вам заплатят и я, и мы, и те восемь, которые пошли, как выгнанные собаки... и заплатят с хорошими процентами!

Так кончается сказание об Афонском Рекруте.

— Слушаю

День рождения—это праздник каждого человека. День рождения „Пионера"—праздник для всех читателей „Пионера", всех советских дошкольников и пионеров. Каждый праздник на то и праздник, чтобы его праздновать.

В каждом отряде, в каждой школе нужно устроить вечер, посвященный пятилетнему юбилею „Пионера". Здесь мы расскажем, как такой вечер организовать, чтобы он был веселый.

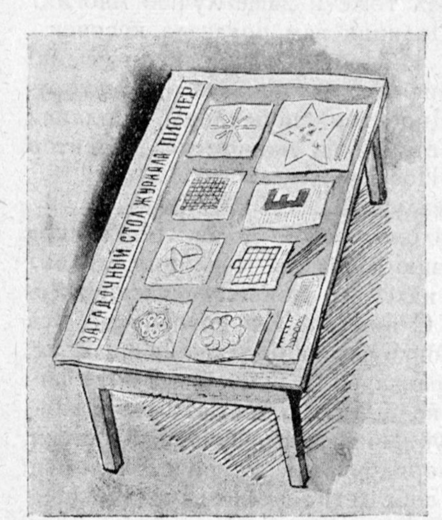
НУЖНО УКРАСИТЬ ПОМЕЩЕНИЕ

„Привет читателям журнала „Пионер" в день пятилетнего юбилея"—это самый большой лозунг из тех, которых нужно нарисовать. Повесить его лучше всего над сценой. Остальные лозунги можно сделать поменьше и развесить по стенам. Вот что нужно на них написать:

ВЕСЕЛАЯ ВЫСТАВКА

Такую выставку сделать не трудно. Экспонаты выставки следующие:

1) Чудо природы в бутылке, невиданный феномен, или пионер, не читавший журнала в 1929 г. Чудо природы—это картонный или тряпичный пионер, засунутый в бутылку.

2) Монокль Чемберлена, который разбился от злости после того, как министр прочитал журнал „Пионер". Монокль — кусок стекла.

3) Кислое лицо бойскаута, который узнал, что все ребята читают журнал „Пионер". Лицо бойскаута — мятый соленый огурец, на котором нарисованы нос, глаза и рот.

4) Человеческий ум до чтения „Пионера" и после чтения. „Умы" можно сделать из чего угодно. До чтения ум маленький, после чтения большой.

5) Чернила, которыми можно писать заметки в редакцию. Пузырек с чернилами на веревочке.

6) Очки, без которых можно читать журнал, если глаза хорошие. Очки можно сделать из проволоки.

7) Папиросы, которые курит отец вместо того, чтобы выписать журнал „Пионер".

8) Планета Марс, на которой не читают журнала „Пионер". Впрочем говорят, что выдумали телескоп, через который можно будет читать „Пионер" даже с Марса. Фотографию Марса нужно вырезать откуда-нибудь или нарисовать.

Выставка помещается на доске или просто на стенке, в которую вбиты гвозди. На гвоздях надо развешать все экспонаты, а над ними сделать надписи, как здесь указано.

ЮБИЛЕЙНЫЙ БУМЕРАНГ

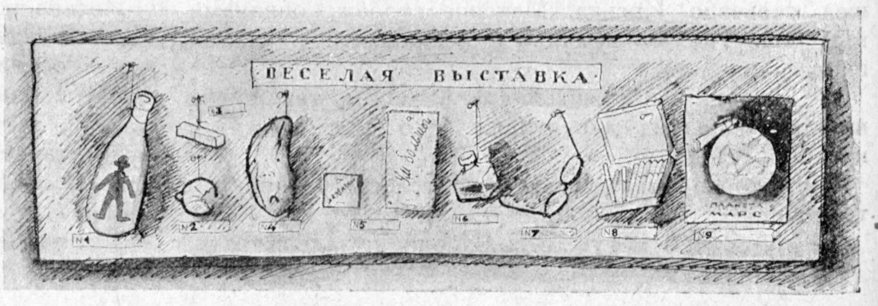
К юбилею каждая школа, каждый отряд должны выпустить стенгазету „Бумеранг". Хорошо бы ее сделать похожей на „Бумеранг" в журнале. Стенгазета выпускается редколлегией отрядной или школьной газеты. В каждой стенгазете помещаются на первом месте приветствия от редакции „Пионера" своим читателям.

ОСТАЛЬНОЕ

По стенам развесить обложки журнала „Пионер" и те картинки из журнала, которые нравятся ребятам. На столах разложить последние номера журналов и комплекты за прежние годы, если комплекта нет—можно достать на вечер в библиотеке.

ЗАГАДОЧНЫЙ СТОЛ

Такой заметный стол сделать нетрудно. Из последних номеров журнала нужно вырезать ребусы, загадки, задачи. Они наклеиваются на листы бумаги или картона и раскладываются на столе, лучше под стекло. На столе надпись — загадочный стол журнала „Пионер".

ТОРЖЕСТВЕННОЕ

Вечер может открыть вожатый отряда или заведующий школой. Он должен рассказать о значении журнала „Пионер". Он должен рассказать, как воспитывает журнал „Пионер" нового советского школьника, рассказать о пятилетнем юбилее журнала.

После этого в зал вбегают участники вечера и, пробегая между рядами зрителей, кричат: **Телеграммы, телеграммы всем отрядам и школам... Телеграммы всем читателям „Пионера".** Они пробегают на сцену, отдают телеграммы председателю вечера. Он читает телеграммы. Это приветствия читателям Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, ЦК комсомола. После каждого приветствия играет музыка— рояль или шумовой оркестр. Когда все телеграммы прочитаны, в зал вбегают еще ребята, которые приносят телеграмму читателям от Кузьки. После этой телеграммы нужно дать веселую музыку.

В день юбилея вы должны положить начало своей дружбе с отрядом или школой в другом конце СССР, в другой республике. Украинцы могут связаться с белорусскими ребятами, ленинградцы с уральцами. Для этого надо сделать первый шаг — написать письмо далекому отряду, далекой школе — незнакомым друзьям и товарищам. Это письмо надо написать до юбилея. А на юбилее торжественно под рокот барабана и боевые звуки горна выходит одно из звеньев, и представитель отряда или школы— громко и ясно читает текст письма. Письмо нужно написать тепло и по-дружески, а чтение закончить пением пионерского гимна.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Журнал „Пионер" создал своих героев. Кому из читателей не известны—Берко Кантонист, Егорка из Черного Яра, Боб Бобкинс из звена „Красный пионер", Кузька, Анатоша Одуванчиков, Ден-ши-хуа, собака Карабаш, самоед Хуши, Алексаша Промакашкин, лопаренок Олеса, и конечно не обойдется без них пятилетний юбилей. Устройте костюмы, рисунки которых есть в старых номерах „Пионера", нарядите ребят героями журнала, на каждом напишите его имя. Найдите черную собаку, на ней напишите—Карабаш. Впрочем собакой может нарядиться и человек—это будет очень смешно.

Вторая часть вечера должна открыться веселым парадом героев „Пионера". Они выходят под музыку в костюмах с плакатами:

Чи айте «Пионер».

Кто не читает «Пионер»,
пусть его прочитает.
Кто с нами не знаком?
«Юбилей «Пионера» и др.

Вот что они говорят или поют:

Раскрывайте шире
двери—
Все мы дружная
семья.
Родились мы в
„Пионере"—
Я, и я, и я, и я.

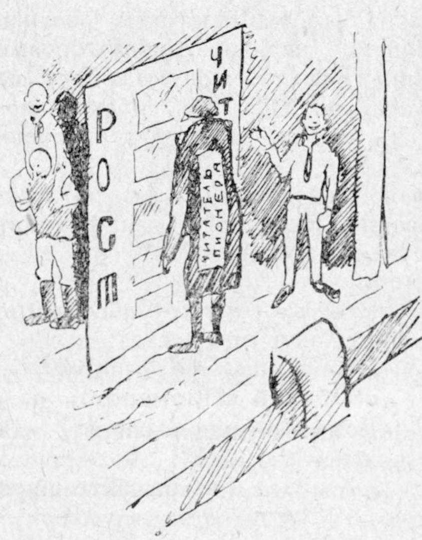
Нас на самом деле
нету.
Но читателям
друзья
Все мы, несмотря на
это,
Я, и я, и я, и я,
Чтобы нас не забывали,
Можно нас найти шутя.
Мы живем всегда в журнале
Я, и я, и я, и я.
В „Пионере" мы как дома
И, читателей любя,
Очень рады быть знакомы—
Я, и я, и я, и я.
Алексаши, гимназисты,
Самоеды, кантонисты,
Ши-хуа и иностранцы,
Карабаш, американцы—
Все мы дружная семья—
Я, и я, и я, и я.

Из зрительного зала выходит один из ребят и предлагает чествовать героев „Пионера". Вот что он говорит:

— Товарищи, — эти герои не открывали северных полюсов, не охотились за тиграми, не прыгали с пятиэтажных домов, это—герои-труженики, которые в течение пяти лет честно исполняли свой долг на страницах журнала „Пионер", они смело боролись против зла и несправедливости, обличали кулаков, терпели зверства царских

фельдфебелей сто лет тому назад, строили нашу пионерскую организацию теперь. Они хотя и не существовали на самом деле, но заслужили звание настоящих литературных героев и любовь школьников и пионеров СССР. Да здравствуют литературные герои журнала „Пионер". Ура! (Все кричат ура!). От имени читателей преподношу им юбилейную медаль и жму их несуществующие руки. Ура! (музыка).

Теперь мы вместе с ними прочтем юбилейные стихи. Все сидящие повторяют последние слова после каждых двух строк:

Мы пионерам СССР
Лозунг бросаем — читай „Пионер".
Каждый школьник и пионер
Дома и в школе — читай „Пионер".
Школьник советский всем пример
С ребятами вместе — читай „Пионер".
Будешь ты техник и инженер
Два раза в месяц — читай „Пионер".
День без журнала скучен и сер
Станешь веселым — читай „Пионер".
Мы пионерам СССР
Лозунг бросаем — читай „Пионер".

Парад уходит под музыку в зрительный зал и герои рассаживаются между зрителями.

После парада надо поставить небольшую пьесу, которая напечатана в № 3 журнала „Затейник". Эта пьеса посвящена юбилею „Пионера". Если же вы этой пьесы не достанете, то поставьте другую, какую найдете о пионерах или школьниках, можно инсценировать рассказ „Таинственная записка" из „Пионера" № 24 за 1928 г. Он напечатан в отделе „Ерш".

ЮБИЛЕЙНАЯ ВИКТОРИНА.

После того, как кончится пьеса, можно пустить следующий номер—Юбилейную викторину. Все зрители должны запастись бумагой, карандашами и писать ответы на устные вопросы. Эта викторина выяснит, кто внимательно читал „Пионера". За каждый правильный ответ зачитывается два очка. Тому, кто наберет большее количество очков, но не меньше 15, выдается приз.

ВИКТОРИНА

1) В какой клуб нужно вступить любому пионеру, чтобы сразу стать инженером?

2) У какого животного уши на ногах и где об этом можно узнать?

3) Сколько отверстий в Кузькиной шляпе?

4) Что такое кондуит и где он печатается.

5) Есть ли на свете рыба „Пионер"?

6) Каким оружием австралийских дикарей может пользоваться в любое время каждый школьник и пионер?

7) Как зовут сестру Демида Шапкина?

8) Из какого окошка можно видеть все страны без телескопа.

9) Сколько лет Кузьке?

10) Хороший парень Джон Воркман или плохой Докажите.

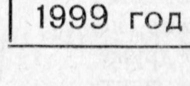
НА ГЛАЗАХ РАСТЕТ

Следующий номер—рост читателя. На сцене щит, на котором нарисовано или наклеено снизу вверх пять развернутых номеров „Пионера", на каждом написано 1924, 1925, 1926, 1927, 1928. К щиту подходит пионер, становится спиной к публике, на его пальто написано — „читатель „Пионера", он читает сначала нижний журнал, потом постепенно поднимается выше и выше и на глазах у публики вырастает на 2 метра. Делается это просто: читатель поднимает свое пальто с шапкой на палке.

Рост читателя сопровождает об'яснением руководитель или кто-нибудь из ребят.

Когда читатель начал читать „Пионер", ему было пятнадцать лет. Постепенно он рос, рос, рос, рос, рос, рос и вырос. Теперь ему двадцать лет,

Читатель большими шагами уходит за щит. За щитом подготовлено двое ребят, сидящих друг на друге. Верхний загримирован. У него усы. На ребят накидывают длинное пальто читателя, так что видно только лицо верхнего. Большими шагами он выходит из-за щита. А руководитель об'ясняет, что у читателя выросли усы. Руководитель убеждает читателя итти к парикмахеру сбрить их, но читатель клянется, что и с усами он и его товарищи будут читать „Пионер" до старости. Он уходит за сцену и почти тотчас же с плакатом

выходит гуськом группа стариков с белыми бородами. Пробегает газетчик и кричит — **1999 год, семьдесят пять лет „Пионера".** Все старики покупают у него „Пионер" и говорят в зрительный зал: „Крикнем вместе семидесятипятилетнему юбилею „Пионера" ура!"

Закончить вечер можно частушками.

ШИШ МОСКОВСКИЙ

Рассказ Б. ШЕРГИНА
Рис. худ. А. КОНЕВСКОГО

ЗА ШИШОВЫМ ЯЗЫКОМ НЕ ПОСПЕЕШЬ БОСИКОМ

В другой раз к Шишу из-за сказок досада пришла. Какой-то год осенью навалилось такое безвременье. Дома сидеть не у чего. Пойду,—говорит Шиш,—по городам, по деревням сапоги топтать, версты мерять.

Вечером близ одной деревнюшки усилился дождь. Шиш в одну избу поколотился—не открывают. В другую—не пускают. В третью стукнул:

— Не пустите ли, хозяева, ночь перележать, хоть в сенях?

Хозяин из-за двери:

— А ты сказки сказывать мастер?

— Слыхал малость...

— Малость нам ни к чему. А вот ежели до свету сказывать хватит, тогда милости просим.

Шишу некуда податься. Дождь пуще полил:

— Ладно, давай. В избу ту запустите. Одежонку хоть выжми.

За ужином хозяин Шиша потчует, кланяется, угощает:

— Я, молодой человек, такой уродился. Мне и питье, и еда, и сонное отдохновение— все даром, на все, извините, плюю. А только бы мне в жизни сказки слушать...

Спать повалились гость и хозяин по лавкам, хозяйка на печи, работник—на полу. Хозяин на лавке вертится.

— Ну, теперь начинай!

— Ладно, — говорит Шиш, — только вперед уговор—меня не перебивать! Кто вымолвит хоть единое слово, тому уж и сказывать до света.

— Да ладно, ладно! Начинай!

Шишу мертво спать охота, да воля не своя. Подумал и начал:

— Как у вас на селе мужики поголовно они дураки! Как у вас на селе мужики поголовно они дураки!..

И пошел твердить одно и то же, одно и то же без конца. Хозяину сначала смешно показалось, потом рассердился, под конец расстроился:

— Спасибо на той, другую запой. ...Невежа ты, невежа!

Шиш вскочил с лавки:

— Твое дело было слушать да молчать. А перебил, ты и сказывай!

Хозяина горе берет:

— Тьфу! Навязался ты на мою голову... Ну слушай. Да чур не перебивать!

— Дурак будет тот, кто тебя ночевать пустит, а я больше никогда не пущу. Дурак будет тот, кто тебя ночевать пустит, а я больше никогда не пущу...

Раз сто повторил мужик эти речи. Хозяйка на печи заругалась:

— Леший бы вас взял с вашими разговорами! Ночью спокою нету!..

Хозяин с лавки да за жену сграбился:

— Ты нашу сказку перебила, теперь тебе и говорить!

Не могла старуха отдуться. Со слезами начала:

— Каков хозяин подлец, такого подлеца и ночлежника пустил. Каков хозяин подлец, такого подлеца и ночлежника пустил!..

Твердила, твердила, работника разбудила.

Тот запоуркивал:

— Завтра же рассчет возьму... День работай, а ночью спать не дают...

Хозяйка на него мухой пала. Не мог работник отвязаться, заговорил:

— Как не спали мы с вечера, так и не спать нам до свету, скоро надо на работу итти. Как не спали мы с вечера, так не спать нам и до свету, скоро надо на работу итти...

Еле Шиш до утра дожил. Схватил в охапку кушак да шапку и с той поры в эту деревню ни ногой.

Еле Шиш до утра дожил.

КУЗЬКИН ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Уважаемая редакция!
Журнал „Пионер" мы выписали недавно и нас очень заинтерисовал „Кузька". Мы хотим узнать кто такой Кузька, Есть-ли он на самом деле или нет. Мы просим ответить нам на это через журнал „Пионер". За это мы будем очень вам благодарны.

Подписчики журнала „ПИОНЕР"
Сергей Позельский и Алексей Студинский
г Пенза 1/II 29 г.

ОТ КУЗЬКИ

Редакция журнала „Пионер" очень любезно предоставила мне одну страницу для моего почтового ящика.

Прошу всех ребят писать мне в почтовый ящик.

С товарищеским приветом КУЗЬКА

УВАЖАЕМЫЙ КУЗЬКА.

В „Пионерской правде" от 15/I—29 г. № 7 Вы спрашиваете, что мы сделали, чтобы выписать журналы. Нами, учениками III группы Ерзовской школы Смоленской губ., Бельского у., Щучейской вол. в декабре 1928 г. сдана подписка на газеты: „Пионерская правда", „Юный пионер" и журналы: „Дружные ребята" и „Пионер". Газеты и журнал „Дружные ребята" с января 1929 г. получаем, а журнал „Пионер" вот уже 30/I—29г., а ни одного номера не получили, а потому просим Вас, Кузьку, раскопать это дело и высылать нам журнал „Пионер".

С тов. приветом ребята III гр. Ерзовской школы.

П/О Троицко-Кислово.

АЙ, ДА КУЗЬКА!

Представьте себе, дорогие товарищи, на-днях у нас Кузька был. Является это ко мне человек маленький с приплюснутым носом и шляпа на этом „человечке" „агромадных" размеров, и чемодан он тащит преогромнейший.

Встал передо мной человечек, важно эдак глазами повел и говорит:

— Здравствуйте, товарищ пионер,—и салют.

Я в ответ:—Здравствуй, товарищ... на кого-то вы словно похожи?

— Я,—говорит,—Кузька. Представитель журнала „Пионер".

Я даже подпрыгнул на месте.

— А и впрямь Кузька. Я и забыл, что в „Пионере" вас встречал. Пойдем чай пить, тов. Кузька.

Повел я его в избу, самовар разогрел и стал за гостем „ухаживать".

— Садись, товарищ. Шляпку-то на гвоздик можно повесить—может отдохнете с дороги?

— Нет, говорит, не устал, только вот морозы, говорит, у вас здоровые. Нос у меня, говорит, пощипало здорово.

— Сейчас, говорю, чайком отогреемся.

За чайком и говорит Кузька:

— Держу курс к северу, хочу по северным отрядам пошнырять, узнать, как живут северяне. По пути вот заехал к вам. Большой у вас отряд-то?—спрашивает.

— Начего, говорю, порядочный.

— А как, спрашивает, насчет работки? Культпоход проводите? А к походу за урожай готовитесь? А как участвовали в предвыборной кампании? А в школе-то...

— Ничего, говорю, у нас этого нет, дорогой Кузька. Клуба у нас даже нет, и средств, говорю, у нас никаких нет, и руководства, и помощи от старших нет, и...

— Это, говорит, никуда не годится. А в „Пионер" об этом пишете?

Схватился я тут за голову и кричу ему:

— Нет, не пишем...

Кузька это глазами на меня уставился и головой покачал:

— Ай-яй-яй. Стыдно, товарищи. Стыдно. „Пионер" вам лучший друг, учитель, он поможет вам в беде, исправит ваши ошибки, он лучший журнал для пионеров и школьников, а вы с ним никакой связи не имеете. Стыдно, товарищи.

— Ваша речь правильна, товарищ Кузя. Мы делаем громадную ошибку, не обращаемся за помощью в „Пионер". Клянусь вам, мы исправим свою ошибку.

Вечером Кузька провел в отряде дружескую беседу, познакомил нас с работой московских отрядов, прочитал нам свежий номер „Пионера".

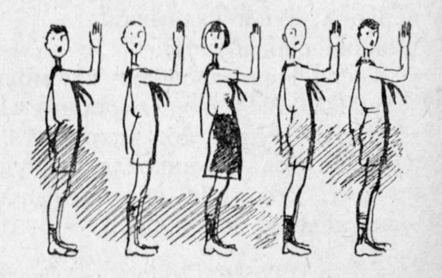
Мы проводили Кузьку до самой станции и пожелали ему всего хорошего в его путешествии.

Каждый завел копилку и бережет деньги на „Пионера".

Спасибо тов. Кузьке.

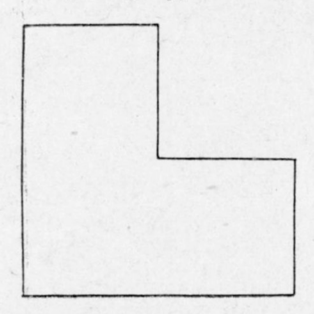
Отряд юн. пионеров при ф-ке „Коммунар" Ковровского уезда, Владимирской губернии.

А. Шигаков

ОТГАДАЙ!

Задача-фигура. № 32

Данную фигуру надо разделить на 9 меньших фигур, которые должны быть одинаковы по площади и подобны данной фигуре.

(Сергей Букреев 83 отряда Красной Пресни. Москва.)

Гири из камня. № 33

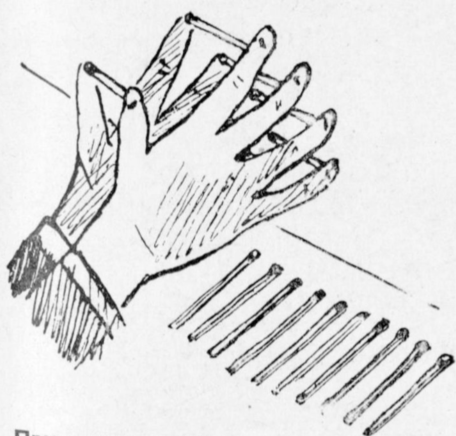
Камень весит 400 кило. Надо расколоть его на 4 такие части, чтобы при помощи их можно было бы взвешивать все грузы, начиная от 1 и кончая 40 килограммами.

(Ф. Чулков. 52 школа. Москва.)

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ И ШУТКИ МОСКОВСКИХ ПИОНЕРОВ

Тяжелые спички. № 34

У кого хватит силы поднять 5 спичек 10 пальцами так, как это показано на рисунке?

При поднятии для удобства спички можно разложить на столе в виде лесенки, как это показано на рисунке.

(М. Кириллов, Немчиновка М.-Б.-Б. ж. д.)

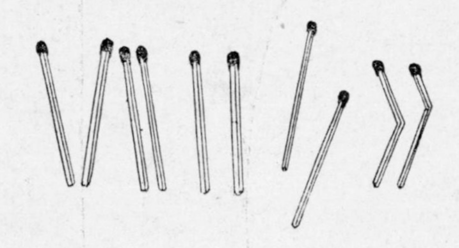
Шутки № 35.

Какую букву надо ударить о другую, чтобы получилась часть лица? И обо что надо ударить полученное, чтобы получилось животное?

В каком слове сотня одинаковых букв?

(М. Кириллов. Немчиновка, М.-Б.-Б. ж. д.).

Стихотворение из спичек. № 36

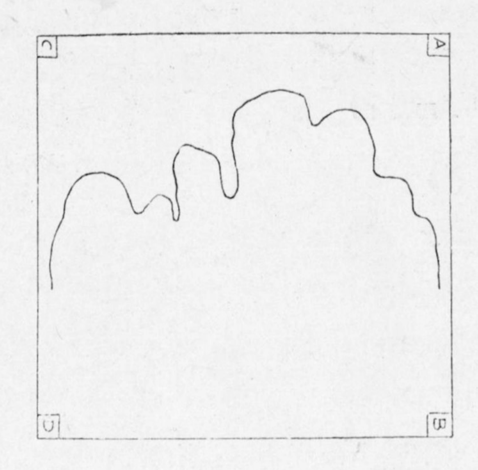
Из нарисованных здесь 10 спичек надо составить стихотворение.

(В. Румянцев, 94 отряд. Москва)

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА КОНКУРС, ПОМЕЩЕННЫХ В № 1 «ПИОНЕРА»

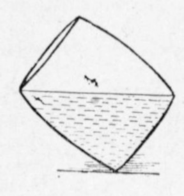
№ 1 (Аэро-конкурс)

Кратчайший путь авиатора указан на прилагаемом рисунке.

№ 3 (Боченок с маслом).

Боченок с маслом постепенно наклонялся и масло из него выливалось до тех пор, пока боченок не принял того положения, какое показано на рисунке, при каковом положении в боченке осталось ровно половина масла.

Решения задач,

помещенных в №№ 1 и 2 „Пионера“ вне конкурса.

Задача № 2 (о поездах)

При решении этой задачи могут получиться два подходящих по условию расстояния—210 км. и 144 км.

Последнее расстояние исключено в задаче словами, что поезда шли нормальным ходом. При 144 км. А пробежал бы 140 км., в то время, как В и Д—только 4 км. Если последние шли 2 км. в час, первый должен был бы итти 70 кил. в час—скорость конечно ненормальная. При 210 км. В и Д идут со скоростью в половину скорости А, а С идет $^3/_4$ скорости А—скорость вполне нормальная.

Задача № 4 (о коньках)

Когда мы становимся коньком на лед, то вся тяжесть нашего тела сосредоточивается на небольшом пространстве под коньком. Известно, что под давлением лед тает. Поэтому между коньком и поверхностью льда образуется тончайший слой воды, по которому и скользит конек.

Задача № 5 (о кувшинах)

Задача эта имеет три решения:

I решение

	Полные кувшины	Наполненные наполовину	Пустые
1-я крестьянка	0	7	1
2-я „	2	3	3
3-я „	3	1	4

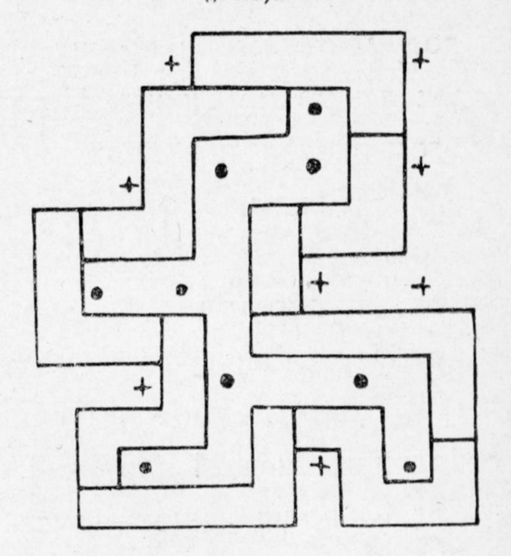
II решение

	Полные кувшины	Наполненные наполовину	Пустые
1-я крестьянка	1	5	2
2-я „	2	3	3
3-я „	2	3	3

III решение

	Полные кувшины	Наполненные наполовину	Пустые
1-я крестьянка	1	5	2
2-я „	1	5	2
3-я „	3	1	4

Задача № 6 (отделить кружочки от звездочек).

Всем участникам конкурса „ОТГАДАЙ“ отвечаем на вопросы:

1) В крайнем случае письма можно присылать без марок.

2) Конкурсные очки засчитываются только за решение тех задач, которые помечены „конкурсные“ или—„на конкурс“. Остальные задачи помещаем вне конкурса.

Шлите на конкурс ребусы, загадки, шутки, головоломки и т. д.

ЦЕНА 20 КОП.

ЮБИЛЕЙ „ПИОНЕРА“

Ребята! Я бы вам сказал, что в марте месяце мне исполнится 13 лет, но вы подумаете, что я прошу, чтобы вы меня поздравили с днем рождения. Так что я уж лучше не скажу. Но все-таки в № 6 „Пионера“ об этом напечатают (мне об этом сказал, под большим секретом, художник Лаптев).

Для вас я, ребята, придумал вот что: к юбилею „Пионера“ надо довести его тираж до 100.000. Поэтому подписывайтесь коллективно: отрядом, звеном, классом. Я уверен, что вы знаете, какова подписная цена на „Пионер“—поэтому я вам не буду писать, что он на год стоит 3 руб., на 6 мес.—1 р. 60 к. и на 3 мес.—85 к.

Давайте об'явим кампанию юбилейной подписки на журнал „Пионер“. Кто подпишется до 1 апреля — пусть пришлет мне свой адрес и фамилию, а кто соберет 10 подписчиков — пусть кроме адреса и фамилии присылает еще свою фотокарточку: все это редакция обещала мне напечатать в журнале на самом видном месте.

А ну — кто первый?

Кузька

Москва. Главлит А 32.898. Изд № 3231. „Мосполиграф“, 16-я типография. Трехпрудный, 9. 35.000 экз.